

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Хотя президентъ, по просьбѣ Юліана и Анны, своимъ отъѣздомъ, повидимому, и уполномочивалъ полковницу пробывать нѣсколько времени въ Карлинѣ, но въ то же время, опасаясь, чтобы панъ Дельріо мало-по-малу не поселился тамъ, черезъ два же дня опять пріѣхалъ къ племянникамъ. Полковница находилась еще въ Карлинѣ и значительно поправилась здоровьемъ; Греберъ возвратился къ своимъ городскимъ пациентамъ, а между тѣмъ панъ Дельріо съ супругою какъ-будто располагали долгое время гостить здѣсь. Президентъ еще на порогѣ замѣтилъ это, даже сморщился, увидя, что полковникъ почти принимаетъ на себя роль хозяина и безъ всякой церемоніи выразилъ удивленіе, что засталъ ихъ въ Карлинѣ.

— Ахъ, вы еще здѣсь! — воскликнулъ онъ на порогѣ. — Это обстоятельство очень огорчаетъ меня, такъ какъ заключаю изъ него, что здоровье пани полковницы не поправилось.

— Напротивъ,—возразилъ панъ Дельріо, стараясь принять веселую мину,—она здорова, но ее удержали дѣти.

Полковникъ сдѣлалъ особенное удареніе на словѣ: *дѣти*, основывая на нихъ право сколько угодно жить въ Карлинѣ. Президентъ не сказалъ ни слова, кивнулъ головою и приказалъ только переносить свои вещи.

— Прекрасно, — произнесъ онъ, спустя минуту, — очень радъ, что засталъ васъ здѣсь; дома мнѣ одному ужасно скучно, а вмѣстѣ намъ будетъ и лучше, и веселѣе.

— Вы погостите у насъ, дядюшка? — весело спросилъ Юліанъ, цѣлуя его.

— Да, погощу... Я соскучился о васъ. Ну, какъ поживаетъ Ануся?

При этихъ словахъ вошла Анна.

— Здравствуйте, дядюшка... здравствуйте... Какъ я благодарна, что вы не забываете насъ!

— Да ужъ приходится мнѣ помнить о васъ, если вы забываете меня. Заманить васъ въ Загорье трудно: ты каждую минуту беспокоилась бы тамъ объ Эмилиѣ; такъ лучше я самъ поживу здѣсь и порадуюсь на васъ.

Полковникъ сразу понялъ, что эти слова относились прямо къ нему и женѣ, а потому проворно и очень неловко выбѣжалъ изъ комнаты для сообщенія объ этомъ полковницѣ. Пани Дельріо уже была нѣсколько приготовлена и не удивилась ни приѣзду президента, ни его намѣренію поселиться въ Карлинѣ.

— Значить, мы завтра ѣдемъ? — сказала она мужу.

— Отчего — завтра, cher ange? А если мы останемся напекоръ этому старому волокитѣ? Вотъ удружимъ ему! Въдь онъ не осмѣлится выгнать насъ, — дѣти не позволяютъ этого.

— Конечно, я осталась бы, если бы хотѣла; но ты знаешь, Викторъ, что мнѣ пришлось бы опять поплатиться за это здоровьемъ. Я не имѣю силъ безпрестанно вести подобную борьбу. Дельріо, не говоря ни слова, пожалъ плечами, подалъ женѣ руку и вмѣстѣ съ нею вышелъ въ салонъ.

Президентъ встрѣтилъ полковницу съ самою предупредительною вѣжливостью, съ улыбкою любезника старой школы. Полковница, при всей вѣжливости, не умѣла слишкомъ хорошо владѣть собою и была довольно холодна, а полковникъ до такой степени былъ разстроенъ, что уже не чувствовалъ охоты ни къ остротамъ, ни къ шуткамъ. Дѣти съ своей стороны всѣми силами старались сблизить между собою этихъ людей, раздѣленныхъ непримиримою враждою. Анна ловила на лету каждое острое слово, чтобы смягчить его какимъ-нибудь собственнымъ прибавленіемъ. Несмотря на все это, карлинское общество, сколько разъ ни собиралось въ салонѣ вмѣстѣ, всегда выражало принужденность, холодность и беспокойство и, казалось, только ждало минуты свободы и разлуки другъ съ другомъ; всѣмъ, не исключая и президента, трудно было долгое время находиться вмѣстѣ. Послѣ короткаго разговора, всѣ рас-

ходились въ разныя комнаты съ чувствомъ внутренней тяжести и гнѣва, съ проклятіями другъ другу или съ подавляемыми слезами, дабы вражій глазъ не замѣтилъ ихъ.

Такія отношенія членовъ родного семейства чрезвычайно огорчали Юліана и Анну. Правда, они ни разу не высказывали другъ другу—какъ страдаютъ отъ этого; но часто одинъ взглядъ объяснялъ все, происходившее въ ихъ сердцахъ. Анна менѣе чувствовала каждую острую фразу въ разговорѣ между окружающими родными, потому что, обрѣкши себя на безграничное самоотверженіе, она съ восторгомъ мученицы исполняла свое назначеніе ангела милосердія, мира и утѣшенія; но болѣе слабый и болѣе цѣнившій спокойствіе Юліанъ чрезмѣрно огорчался отношеніями родныхъ и долженъ былъ все это въ то же время таить въ глубинѣ сердца.

Описывая жителей Карлина, мы не упомянули еще объ одномъ существѣ, повидимому, занимавшемъ тамъ небольшое мѣсто, но въ ежедневной жизни Юліана и Анны игравшемъ весьма важную роль. Въ томъ году, когда родилась Анна, эконоомъ одного изъ карлинскихъ фольварковъ женился на горничной жены Хорунжича. Супруги жили очень короткое время: бѣдная мать, родивъ дочь, тотчасъ умерла, а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ умеръ и отецъ, страстно любившій жену свою. Карлинскіе, изъ состраданія, взяли ребенка въ свой домъ и занялись его воспитаніемъ. Они вовсе не думали много заботиться о сиротѣ и воспитывали ее такъ, какъ поступаютъ съ воспитанницами подобнаго рода, предоставляя ихъ съ самаго дѣтства прихотямъ всѣхъ слугъ, пока, наконецъ, онѣ сами не добьются болѣе независимой службы. И, можетъ быть, маленькая Аполлонія осталась бы въ совершенномъ пренебреженіи, если бы чрезвычайная живость, быстрота ума, хорошенъкое личико и кротость характера не сдѣлали ее, въ молодыхъ еще лѣтахъ, любимницею пана и пани. Господа любовались хорошенъкою Полею; позволяли ей играть съ Анною, которая также всею душою привязалась къ ней, и сиротка въ скоромъ времени перешла изъ дѣвичьей въ барскія комнаты; а когда наступило время воспитанія хозяйской дочери, Поля получила прекрасное образованіе и узнала столько же, а можетъ быть и больше, чѣмъ первая.

Правда, не одинъ разъ говорили, что для такой бѣдной и низкаго происхожденія дѣвочки высшія науки были излишни и въ будущемъ не только не обѣщали никакой пользы, но могли даже повредить ея карьерѣ. Но такъ какъ, съ одной стороны, одаренная чрезвычайными способностями, Поля охотно перенимала все, а съ другой — Аннѣ уже трудно было разстаться съ нею, то и рѣшили, что сдѣлавшись впослѣдствіи гувернанткой, сирота можетъ обезпечить свое положеніе. Такимъ образомъ, Поля осталась съ Анною и сдѣлалась въ полномъ смыслѣ восхитительной дѣвушкой и по ея лицу, обхожденію и разговору уже никто не узналъ бы ея происхожденія.

Маленькая ростомъ, стройная — точно куколка, проворная, веселая, съ свѣтло-русыми волосами золотистаго отлива, съ прекрасными голубыми глазками, съ овальнымъ, свѣжимъ и оживленнымъ личикомъ, она восхищала всѣхъ, кто только видѣлъ ее. Остроумная нерѣдко до ѣдкости, но при этомъ одаренная добрѣйшимъ и страстнымъ сердцемъ, Поля, своими взглядами, жестами, разговоромъ и улыбкою обнаруживала пылкія чувства и какъ будто искала только предмета, чтобы воспламениться всею силою неугасимой страсти. Въ ея личикѣ не заключалось ничего аристократическаго, но это былъ чисто славянскій типъ въ одномъ изъ прелестнѣйшихъ своихъ проявленій: глаза, говорившіе прямо душѣ во время улыбки, уста прелестно выгнутыя, розовыя, точно два листка цвѣтка и немного оттѣненные страстью, носикъ правильный и чуть-чуть вздернутый, овалъ довольно круглый и съ самыми изящными чертами, напоминающими лица ангеловъ и дѣтей, вдобавокъ ножка, ручка, талія, локоны — все это было гармонически-прекрасно и въ совокупности составляло такое цѣлое, что при немъ угасали даже болѣе красивыя, но не такъ счастливо сложенныя женщины. При столь привлекательной наружности, сколько заключалось въ Полѣ хорошихъ свойствъ, возвышающихъ ея прелесть! Какая была въ ней доброта сердца, ничѣмъ не прикрашиваемая и наивно обнаруживаемая! Сколько теплоты въ душѣ! Сколько восторга и остроумія; какъ чудно отражались въ ней въ одно время и меланхолія, и веселость!

Впечатлительная, какъ листокъ мимозы, Поля ничего не умѣла скрыть въ себѣ, любила страстно, ненавидѣла смер-

тельно, каждую мысль и чувство обнаруживала противъ воли и съ благородною искренностью, считая послѣднюю какъ-бы священнѣйшимъ для себя долгомъ.

Поля была неразлучною подругою Анны. Уже давно ей слѣдовало снискивать собственное пропитаніе и трудиться для будущности, даже представлялись очень выгодныя мѣста, но подруги не могли разстаться, и Поля охотно посвятила себя панинѣ Аннѣ, способствовавшей ея высокому образованію. Одна изъ нихъ, можно сказать, восполняла другую, одна другую поддерживала. Что-бы стала дѣлать Анна одна? Гдѣ Поля могло быть лучше, чѣмъ тутъ? Гдѣ бы она жила, какъ въ родительскомъ домѣ? Живость сироты, ея веселость, истинная или притворная, натуральная или восторженная, отгоняли отъ Анны печаль и меланхолію, въ которую такъ легко она могла впасть.

Изъ разговора Юліана съ Алексѣемъ мы уже видѣли, что молодой Карлинскій всю жизнь мечталъ именно о такомъ идеалѣ женщины, какой судьба поставила рядомъ съ нимъ. Природа, вездѣ изобилующая контрастами, возбудила въ немъ стремленіе къ юному существу далеко не аристократическому, но полному силъ и кипучей жизни. Для него Поля была олицетвореніемъ юношескихъ мечтаній.

Отправляясь въ городъ для окончанія наукъ, Юліанъ оставилъ Полю почти ребенкомъ, а по возвращеніи нашелъ ее красавицей, въ полной зрѣлости, увлекательною, и на первыхъ же порахъ страстно влюбился въ нее. Но онъ былъ человекъ благородный, а потому первое движеніе сердца успѣлъ остановить. Ему даже не приходило на мысль подлымъ образомъ обмануть бѣдную дѣвушку, хотя она сама съ дѣтскою наивною привязалась къ нему, преслѣдовала его. Онъ зналъ, что не можетъ жениться на ней, потому что родные употребили бы всѣ средства воспрепятствовать этому и соединеніе ихъ сдѣлать положительно невозможнымъ. Поэтому онъ рѣшился преодолѣть себя и подавить родившееся чувство.

Но любовь, это загадочное чувство, не подлежитъ какимъ-либо опредѣленнымъ законамъ, противъ нея еще не изобрѣтено вѣрныхъ лѣкарствъ; однихъ она убиваетъ, а другихъ оживляетъ; нерѣдко самая борьба съ нею сообщаетъ ей новыя силы.

Юліанъ, поставленный въ необходимость видѣть Полю каждый день, жить въ одномъ домѣ съ нею и подвергаться нападеніямъ дѣвушки, любившей его, хотя еще не понимавшей, что дѣлается съ нею, и сожигавшей его словами, взглядомъ, вздохами, наконецъ, дошелъ до степени страсти, граничившей съ безумнымъ отчаяніемъ. Поля также не знала, какого рода чувство питаетъ къ Юліану, не заглядывала въ глубину своего сердца—и если ей иногда приходило на мысль, что это, можетъ быть, любовь, то она почти радовалась этому желанному гостю, приносящему съ собою вожделѣнныя слезы, мученія и новый міръ, хотя бы это былъ міръ однихъ страданій. Не одинъ разъ, смѣясь надъ собою, она спрашивала себя съ бьющимся сердцемъ: что-бы это значило?—и, средн улыбки, по румяному личику ея текли слезы.

— Немножко полюбить и умереть—развѣ мало этого? Изъ чего состоитъ наша жизнь, если не изъ слезъ и любви? Развѣ это не составляетъ счастья — быть несчастливою въ любви, выпить полную чашу жизни въ одной каплѣ яда и потомъ лечь въ бѣлый гробъ съ вѣнкомъ на головѣ для вѣчнаго покоя? Чего больше могу я ждать въ здѣшней жизни?

Такъ именно мечтала дѣвушка въ минуты тоскливаго уединенія и, не бывъ увѣрена ни въ своемъ чувствѣ, ни въ любви Юліана, обходившагося съ нею чрезвычайно холодно, заботилась не столько о спокойствіи своей ничтожной жизни, сколько о горестяхъ и счастьи, какія могла принести ей минута страстной любви. О, безумна, невыразимо безумна была Поля!

Анна, болѣе холодная въ сравненіи съ подругою, въ душевной простотѣ не замѣчая и даже не воображая чувствъ Поли, только смѣялась надъ вѣтренностью сироты и не рѣдко старалась умѣрять взрывы ея остротъ, веселости или печали, не видя во всемъ этомъ ни малѣйшей опасности. Ея сердце, созрѣвшее раньше времени, крѣпко запертое отъ сердечныхъ впечатлѣній, свободное отъ всѣхъ земныхъ желаній и страстей, спало тихимъ сномъ ребенка въ колыбели. Она также была женщина, но сокровища любви, какими одарилъ ее Богъ, принесла въ жертву исключительно своему семейству и, какъ сестра милосердія, служила только другимъ, забывая о себѣ. Любовь ей

представлялась ребячествомъ, игрушкою, чѣмъ-то слишкомъ земнымъ, низкимъ и не стоящимъ того, чтобы расточать на нее сокровища души и сердца.

II.

Однажды, когда все карлинское общество, то-есть, полковникъ съ женою, президентъ, Анна, Юліанъ и Поля—вели въ салонѣ разговоръ и нетерпѣливо ожидали минуты, чтобы разойтись, не нарушая приличія, вдругъ отворились двери—и представьте общее изумленіе, когда они увидѣли почти вѣжавшаго незнакомца, человѣка изъ другого свѣта,—извѣстнаго намъ Алексѣя.

Несмѣлый, хотя энергическій, скромный, — Дробацкій не имѣлъ ни малѣйшей свѣтской полировки, и когда ему пришлось отдать Юліану визитъ въ Карлинѣ, не зналъ ни приличнаго для визитовъ времени, ни того, какъ слѣдуетъ одѣться и какъ представиться въ первый разъ. Съ однимъ Юліаномъ ему легко было вести дѣло; но то, что окружало его, этотъ другой, незнакомый ему свѣтъ, люди, говорившіе иностраннымъ языкомъ и воспитанные совершенно въ другихъ правилахъ,—необыкновенно стѣсняли его. Алексѣй не желалъ испытывать внутреннюю борьбу, боялся показаться смѣшнымъ и предчувствовалъ униженіе. Поэтому, войдя въ салонъ и очутившись въ довольно значительномъ обществѣ незнакомыхъ лицъ, онъ покраснѣлъ, поблѣднѣлъ и смѣшался, бросая умоляющіе взоры на своего друга. Къ счастью, молодой Бралинскій находился въ салонѣ.

Алексѣй, скажемъ откровенно, прекрасный—когда въ простой сермягѣ скакалъ на дикомъ конѣ среди полей и лѣсовъ или, погруженный въ мечты, сидѣлъ на древней могилѣ и повторялъ стихи престарѣлаго слѣпца Греціи,—теперь во фракѣ, сшитомъ дурно и вообще въ костюмѣ безъ вкуса и изящества, представлялся почти смѣшнымъ среди общества, строго соблюдавшаго моду, исполнявшаго все ея требованія и не терпѣвшаго даже малѣйшаго безобразія. Прибавимъ къ этому еще неловкость положенія человѣка, сознававшаго себя не въ своемъ мѣстѣ и служившаго цѣлью любопытныхъ взглядовъ множе-

ства незнакомыхъ лицъ — и тогда поймемъ, почему именно Алексѣй опять показался Аннѣ, и особенно президенту, самую мелкою и нескладною фигурую.

Юліанъ тотчасъ представилъ своего друга полковницѣ, президенту и отчиму; Анна выразила ему радшіе, желая тѣмъ приблизить къ себѣ дикаго пришельца — и Алексѣй сѣлъ или, вѣрнѣе, упалъ на стулъ, еще не имѣя возможности разглядѣть никого изъ окружающихъ его лицъ.

Чтобы избавить друга отъ непріятнаго положенія и очевиднаго разстройства, Юліанъ хотѣлъ взять его на свою половину; но этого не позволили ему во-первыхъ, Анна, любопытствовавшая познакомиться съ столь хваленнымъ другомъ брата, потомъ Поля, уже смотрѣвшая на гостя съ сочувствіемъ, и частію президентъ, обрадовавшійся прибытію посторонняго чело-вѣка, потому что онъ могъ теперь прервать разговоръ свой съ полковникомъ. Одна полковница, подъ предлогомъ головной боли, немедленно удалилась въ свою комнату, а прочіе члены остались въ салонѣ.

Въ скоромъ времени Алексѣй успокоился, сердце перестало биться и разговоръ, переходя на разные предметы, началъ постепенно завязываться, хотя гость почти не принималъ въ немъ участія.

Первое, что бросилось въ глаза изумленнаго Алексѣя, были двѣ панны, сидѣвшія рядомъ и такъ чудно гармонировавшія своею общою красотою, что прелесть одной изъ нихъ сообщала другой блескъ и привлекательность. Идеальная Анна, со своею важною и Поля со своимъ веселымъ остроуміемъ, совершенно въ одинаковой степени заинтересовали его. Алексѣй, мечтая объ идеалѣ, столь возвышенномъ какъ Беатриче Данте, объ идеалѣ, который, подобно этой героинѣ, долженъ былъ бы своею рукою и словомъ возвестъ его изъ ада на небо, до сихъ поръ не встрѣчалъ на землѣ ни одного существа, похожаго на образъ, обитавшій въ душѣ его. Анна вполне подходила подъ этотъ идеалъ, — ея красота, наружное спокойствіе, душевная чистота, смѣлый взглядъ ангельскихъ глазъ, дышавшій невозмутимою тишиною и кротостію — все это представляло ее Алексѣю существомъ, одареннымъ всѣми прекрасными свойствами души и тѣла, съ какими фантазія рисовала

ему будущую подругу жизни. Пораженный Дробицкій не смѣлъ болѣе глядѣть на нее и, залитый румянцемъ, взволнованный, съ отчаяніемъ потупилъ глаза въ землю. Анна, возбужденная похвалами Юліана, съ дѣтскимъ любопытствомъ и внимательностью всматривалась въ гостя, то предлагая ему вопросы, то стараясь проникнуть въ его взгляды. Поля также хотѣла отгадать, что именно скрывается подъ этою простою наружностью земледѣльца, и въ то время, когда Анна увлекала его доброю и вѣжливостію, она, съ своей стороны, понемногу раздражала его насмѣшками, такъ какъ любила дѣйствовать ими даже въ обращеніи съ людьми, къ которымъ питала сильнѣйшую симпатію.

Президентъ ходилъ взадъ и впередъ, смотрѣлъ, думалъ, усиливаясь съ своей точки зрѣнія понять, и, на первый разъ, нашелъ его только грубымъ невѣжею, признавая лишь за нимъ нѣкоторую долю благородства, если только окажется впоследствии.

Полковникъ, цѣнившій людей только по наружности и по той пользѣ, которую онъ могъ пріобрѣсти отъ нихъ для самого себя, нисколько не думая, называлъ Дробицкаго ничтожествомъ.

Не станемъ повторять тяжелаго, отрывистаго, страннаго разговора, казавшагося Алексѣю безконечнымъ. Президентъ, бывшій безмолвнымъ его свидѣтелемъ, наконецъ, не вытерпѣлъ и тихонько вышелъ вонъ. Но почти вмѣстѣ съ удаленіемъ этой фигуры, тяготившей бѣднаго шляхтича своею гордостью и притворною важностію, уста гостя оживились подъ согрѣвающими лучами молодыхъ очей Анны и Поли.

Предметомъ разговора была деревня съ ея удовольствіями и образомъ жизни; потомъ коснулись болѣе важныхъ, болѣе общихъ вопросовъ—и Алексѣй, наконецъ, осмѣлился показать себя въ настоящемъ видѣ. Не столько кротость и радушная вѣжливость Анны, сколько остроумная и щекотливая насмѣшливость ея подруги вдохнули ему отважность.

Юліанъ, заботясь о другѣ, также вмѣшался въ общій разговоръ. Анна хвалила деревню.

— Я,—говорила она,—до такой степени люблю деревню, что, кажется, умерла бы съ тоски, если-бы заперли меня въ городѣ. Вмѣсто деревень—тамъ грязныя стѣны, вмѣсто луговъ—

каменная мостовая, вмѣсто крестьянскихъ свитокъ—рубища, которыя роскошь бросила на плечи бѣдности, вмѣсто благоуханія цвѣтовъ—удушливый дымъ. Потомъ—суета, шумъ, все и всѣ чужіе.

— А я,—перебила Поля, показавъ бѣлые зубки и склонивъ на бокъ свою маленькую головку,—хотя не знаю города, хотѣла бы жить тамъ не столько ради каменныхъ домовъ, сколько для людей. Можемъ-ли мы здѣсь сказать, что знаемъ людей, если насъ здѣсь такъ мало, а тамъ ихъ такое множество!

— Что касается меня,—отозвался Алексѣй,—то я жилъ въ городѣ и деревнѣ, и полагаю, что людей, подобно растеніямъ, можно раздѣлить на классы, и написать такую же классификацію человѣка, какъ и растеній. Одни изъ нихъ способны расти только на горахъ, а другія—въ долинахъ, а инныя—на скалахъ либо подъ водою. Право, и между нами есть пѣсени и дубы, грибы и травы, повиличныя колокольчики и тростники. Для однихъ городъ—отечество, для другихъ—ссылка.

Вотъ первыя слова, которыми ничего не обѣщавшій съ перваго раза человѣкъ, обнаружилъ мысль болѣе чѣмъ обыкновенную и если не новую то, по крайней мѣрѣ, высказанную слишкомъ смѣло. Анна взглянула на Полю, Юліанъ на Анну, и Алексѣй сказанными словами какъ-бы слился съ людьми другого общества, ободрился и уже безъ малѣйшаго принужденія продолжалъ начатый разговоръ.

— Скажу болѣе, прибавилъ онъ,—въ жизни одного и того же человѣка бываютъ разныя минуты, производящія въ немъ различныя расположенія. Страдальцамъ и больнымъ, нуждающимся въ лѣкарствахъ, я назначилъ-бы жить въ городѣ, печальнымъ и не желающимъ утѣшенія—на пустынныхъ и дикихъ побережьяхъ моря, нашу улыбающуюся деревню я отдалъ бы счастливымъ.

— О, значить мы всѣ должны быть счастливы, чтобы съ удовольствіемъ жить въ деревнѣ!—прервала Поля, желая смутить Алексѣя и подстрекнуть къ спору.

— Можетъ быть, и не всѣ мы счастливы,—отвѣчалъ Алексѣй,—но свѣтъ еще не сформировался такъ, какъ слѣдуетъ. Подождемъ немного,—новые реформаторы, вѣроятно, придумаютъ что-нибудь лучшее.

— Деревня,—перебила Анна,—заключаетъ въ себѣ что-то райское и напоминаетъ библейскій садъ, гдѣ на зелени деревьевъ почилъ взглядъ перваго человѣка. Здѣсь такая тишина... О, я не хочу жить въ городѣ! Поля разсмѣялась.

— Какъ же я преступна, бѣдная, если желаю этого! Не правда ли, панъ Юліанъ?

— Кто повѣритъ такой непостоянной дѣвушкѣ, какъ вы, панна Аполлонія?—сказалъ Юліанъ съ улыбкою.—Завтра вы будете тосковать о деревнѣ.

— Прекрасно вы рекомендуете меня! Благодарю!—воскликнула дѣвушка.—Этотъ незнакомый намъ другъ вашъ сочтетъ меня... въ самомъ дѣлѣ, сочтетъ за...

— Просто-на-просто не пойметъ тебя, какъ и мы—шепнулъ Юліанъ.

Анна съ невозмутимымъ спокойствіемъ на лицѣ прибавила:

— Сейчасъ готовы поссориться.

При этихъ словахъ Поля бросила на нее взглядъ удивленія, какъ-бы желая сказать:—какъ ты слѣпа!

Въ самомъ пылу разговора, опять вошелъ президентъ и съ любопытствомъ сталъ прислушиваться. Черезъ нѣсколько минутъ онъ кивнулъ племяннику, отвелъ его къ окну и спросилъ.

— Кто это?

— Мой товарищъ по университету и лучшій мой другъ, проживающій теперь въ сосѣдствѣ съ нами,—бѣдный шляхтичъ...

— Бѣдность я предвидѣлъ; въ самомъ дѣлѣ, онъ довольно оригиналенъ. Зачѣмъ же онъ пріѣхалъ?

— Я самъ пригласилъ его. Съ давнихъ поръ живя близъ Барлина въ собственномъ имѣннѣ, вслѣдствіе какой-то необъяснимой дикости онъ не хотѣлъ заглянуть сюда.

— Человѣкъ разсудительный.

— Нечаянно встрѣтившись на дорогѣ, я зазвалъ его къ себѣ.

— А, зазвалъ? Для чего-же?

— Милый дядюшка! Въ моихъ лѣтахъ дружба составляетъ необходимую потребность сердца.

— Такъ онъ шляхтичъ? — спросилъ президентъ въ задумчивости.

— Да, шляхтичъ, — отвѣчалъ Юліанъ съ улыбкою, — и, могу сказать, хорошій шляхтичъ.

Президентъ покачалъ головою.

— Сближаясь съ нимъ, посуди хорошенько, Юліанъ, хорошо ли ты дѣлаешь?

— Но, милый дядюка, я знаю его, я люблю его.

Президентъ молчалъ.

— Онъ необходимъ для меня, — прибавилъ Карлинскій: — у меня нѣтъ человѣка, съ кѣмъ я могъ бы поговорить со всею откровенностью.

— А я? — съ чувствомъ подхватилъ президентъ.

— Дорогой дядюшка! Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ мы едва-ли поймемъ другъ друга... Наши лѣта такъ различны...

— Правда... молодому нужно молодого... Но эта мелкая шляхта, — говорилъ президентъ съ разстановками. — У тебя есть сестра... Поля, въ свою очередь, тоже горячій уголь...

Юліанъ хорошо понялъ этотъ намекъ, но не отвѣчалъ ни слова.

— Повторяю, надобно серьезнѣе подумать о томъ, слѣдуетъ-ли заключать тѣсную дружбу.

— Но вы сами полюбите его, дядюшка, когда узнаете короче, — отвѣчалъ Юліанъ. — Я увѣренъ въ этомъ.

Потомъ оба они приселились къ обществу. Алексѣй уже былъ, какъ говорится, на своемъ мѣстѣ и, потерявъ несмѣлость, дѣлавшую его смѣшнымъ, наконецъ, сталъ понемногу обнаруживать сознаніе собственнаго достоинства и независимости, столь необходимыхъ бѣднымъ въ присутствіи богатыхъ.

Чрезвычайно вѣжливый и почтительный ко всѣмъ, гость давалъ, впрочемъ, понять, что не позволить унижить себя и сознаеть свое человѣческое достоинство. Такой тонъ не слишкомъ понравился президенту; но онъ смягчился искреннимъ сознаніемъ Алексѣя въ бѣдности, такъ какъ послѣдній не только не скрывалъ этого недостатка, но еще почти хвалился имъ. Анна, привыкнувъ всегда быть въ обществѣ равныхъ себѣ или только представлявшихся равными, была изумлена этою совершенно новою для себя фигурою. Поля, по собственному положенію, питала къ Алексѣю симпатію, видя въ немъ какъ-бы брата по сиротству и бѣдности.

Такимъ образомъ прошло время до сумерекъ, и Алексѣй,

не замѣтивъ, какъ пролетѣли часы, почти испугался наступившей ночи и проворно всталъ съ мѣста, чтобы ѣхать домой. Это было въ субботу.

— Ради Бога! — шепнулъ Юліанъ, взявъ его подъ руку, — мы не имѣли ни одной минуты времени поговорить наединѣ; не уѣзжай, вѣдь крайности не предвидятся; завтра праздникъ, ты долженъ почевать у меня.

— Не могу, — возразилъ Алексѣй, — что подумаетъ объ этомъ моя маменька?

— Мы извѣстимъ ее.

— Она будетъ беспокоиться, чтобъ вы не увлекли меня своею вѣжливостью.

— Я не пущу тебя. Не правда ли, дядюшка? — прибавилъ Юліанъ, обратясь къ президенту, — мы задержимъ нана Дробницкаго?

— По старосвѣтскому обыкновенію, прикажи у его повозки снять колеса.

— Едва ли это остановить меня, — сказалъ Дробницкій: — я и безъ сѣдла сяду на лошадь, или даже пѣшкомъ могу уйти въ Жербы.

— Но ты долженъ подарить мнѣ день или два — отъ этого я не отстану, — продолжалъ Карлинскій. — Сегодня суббота, значитъ — воскресенье день свободный, въ понедѣльникъ и вторникъ тоже праздники, слѣдовательно работы не будетъ. Раньше вторника я не пущу тебя въ Жербы.

— Не хорошо заставлятъ такъ много просить себя! — съ улыбкою отозвалась Поля. — Ужели вамъ здѣсь такъ непріятно, что даже двухъ дней не хотите прожить съ нами?

— И я присоединяю свои просьбы къ требованіямъ Юліана, — прибавила Анна. — Онъ такъ скучалъ, такъ ждалъ васъ... принесите ему эту жертву.

— Съ моей стороны тутъ не будетъ жертвы, — смѣло и съ охотою отвѣчалъ Алексѣй, — но я буду вамъ въ тягость.

Молчавшій до сихъ поръ президентъ, наконецъ, сказалъ покровительственнымъ тономъ:

— Панъ Дробницкій! Не заставляйте просить себя, привязанность Юліана приносить вамъ честь, поблагодарите его за это хоть маленькою жертвою... и останьтесь. И я въ этомъ

случай буду имѣть пользу, потому что ближе узнаю друга моего племянника.

Пораженный тономъ, какимъ сказаны были эти слова, Алексѣй только поклонился; въ Жербы послали записку, и гость остался на воскресенье и понедѣльникъ.

III.

Не могу сказать, что происходило на другой день въ душѣ бѣднаго Алексѣя. Только однѣ сутки, проведенныя въ новомъ и столь миломъ обществѣ, почти на цѣлый вѣкъ отдѣлили его отъ вчерашняго дня. Въ жизни человѣка бываютъ минуты, которыя своею сокрушительною силою подавляютъ воспомина- нія, изглаживаютъ слѣды прошедшаго, и своимъ впечатлѣніемъ, остающимся на всю жизнь, проникаютъ въ самую глубину сердца. Въ Карлинѣ онъ могъ вздохнуть свободнѣе. Люди, ка- кихъ онъ встрѣтилъ здѣсь, были совершенно другіе: образо- ванные, они умѣли жить, не обнаруживали на каждомъ шагѣ своихъ слабостей, но старались скрывать ихъ, стремились къ какой-то идеальности, усиливались быть милыми и нравиться.

Правда, его поражала неволя формы, которой здѣсь подчи- нялись всѣ, стараясь, такъ сказать, походить на одного чело- вѣка и скрывать свое *я*; но послѣ слишкомъ свободно разви- тыхъ характеровъ сосѣдей, онъ находилъ даже, что это хорошо. Онъ не зналъ, кто что думалъ здѣсь, но ясно понималъ что борьба мнѣній, личныхъ понятій и взглядовъ на жизнь не имѣла тутъ никакого мѣста и позволяла ему отдохнуть; здѣсь онъ не имѣлъ надобности ни оглядываться назадъ, ни безпо- коиться о будущемъ, ни безпрестанно бороться съ нуждою.

Чрезъ нѣсколько часовъ пребыванія въ Карлинѣ, невольно сравнивая свой кругъ съ здѣшнимъ обществомъ, Дробицкій хотя замѣтилъ, что здѣсь, во время разговоровъ, никогда не позволяли себѣ углубляться въ предметы и отзываться съ серьезнымъ о нихъ мнѣніемъ, что здѣсь судили только поверх- ностно и все большею частью обращали въ шутку, что добро- совѣстный, прямой отзывъ возбуждалъ изумленіе но онъ при- писывалъ это случайно вкравшемуся сюда иностранному вліянію и собственному присутствію.

Болѣе всѣхъ его заинтересовала собою Анна. Необъяснимое чувство овладѣло имъ при первомъ на нее взглядѣ. Ему представилось, что предъ глазами его ангельское существо, видѣнное имъ прежде только во снѣ; это чувство не имѣло названія и, не обнаруживалось, подобно обыкновенной любви, сильными и страстными порывами, а выражалось уваженіемъ и благоговѣніемъ. Онъ боялся даже подойти къ ней, а только хотѣлъ бы всю жизнь издали смотрѣть на нее, и вмѣстѣ сознавалъ, что если бы пришлось отказаться отъ надежды видѣть ее, то онъ заплатилъ бы за это вѣчною тоскою. Если бы могъ, онъ упалъ бы передъ нею на колѣни, какъ передъ существомъ высшимъ, чистѣйшимъ, идеальнымъ и столь великимъ, что не считалъ себя достойнымъ даже коснуться руки ея, а о сближеніи съ нею боялся и подумать.

Поздно вечеромъ оба друга вышли изъ салона. Алексѣю отвели комнату рядомъ съ Юліаномъ. Наконецъ, очутившись наединѣ, два друга съ радостью начали откровенный разговоръ между собою.

— Насилу-то поймалъ я тебя! — воскликнулъ Юліанъ. — Ни минуты не дамъ спать тебѣ... Ну, ты теперь ближе увидѣлъ насъ, какъ мы показались тебѣ?

— Счастливыцы, — проговорилъ Алексѣй.

— О, и тебя ослабляетъ наружный блескъ! — сказалъ Юліанъ со вздохомъ, — и для тебя улыбающіяся лица служатъ доказательствомъ внутренняго веселія. Послушай: подъ завѣсою улыбки нерѣдко текутъ тайныя слезы... А ты и не воображалъ ихъ?.. Эта комедія прикрываетъ печальную драму, гдѣ послѣднимъ актомъ будетъ смерть...

— Что за странныя у тебя мысли въ головѣ! — перебилъ Алексѣй.

— Нѣтъ, это не минутное настроеніе, — отвѣчалъ Юліанъ, — а дѣйствительность. Ты видѣлъ, какъ мы въ салонѣ вели живой разговоръ и, натурально, подумалъ, что мы всѣмъ сердцемъ привязаны другъ къ другу и, повидимому, очень тѣсно соединены въ одинъ кругъ связывающимъ насъ чувствомъ... Маменька, которая, вѣроятно, показала тебѣ прекрасною и столь же счастливою, какъ и всѣ мы, страдаетъ не меньше насъ, потому что судьба обрекла ее на вѣчный трауръ. Она

искала счастья и горько обманулась. Дельрію, нашъ отчимъ, очень добръ къ ней, но никогда вполнѣ не пойметъ и не оцѣнить ее. Какъ мать—она потеряла своихъ дѣтей, потому что нашъ дядя президентъ и они—непримиримѣйшіе враги, и мы состоимъ подъ его опекою. Анна — этотъ ангелъ, которому только недостаетъ ореола и крыльевъ, жертва, совершенно отказавшаяся отъ самой себя — и земное счастье для нея не существуетъ. Ея сердце, увлекшись чувствомъ милосердія, сдѣлалось недоступно для всѣхъ другихъ чувствъ, внушаемыхъ природою. Ты уже знаешь, что глухонѣмой и больной братъ нашъ Эмилиѣ требуетъ безпрестаннаго ея присмотра. Я также не могъ бы жить безъ нея. Притомъ Анна сказала, что для насъ откажется не только отъ имѣнія, даже отъ собственного счастья... И она въ самомъ дѣлѣ отказалась... Теперь видишь, какое здѣсь счастье! Грустно смотрѣть на подобное положеніе, еще грустнѣе жить въ немъ... Въ заключеніе скажу, что я —обязанный для возвышенія имени Карлинскихъ, для спасенія Анны и пріобрѣтенія спокойствія Эмилию, жениться на богатствѣ, также обреченъ на жертву, а между тѣмъ я люблю страстно и безъ надежды...

Юліанъ оглянулся вокругъ, а Дробицкій проговорилъ:

— Не говори—кого, не надо, я ужъ догадываюсь.

— Ты? ты? —воскликнулъ испуганный Карлинскій.—Какъ?

Неужели это такъ замѣтно?

— Можетъ быть, и нѣтъ, милый Юліанъ; но дружбѣ дано предчувствіе и сила ясновидѣнія. Притомъ я зналъ, какого рода всегда былъ твой идеалъ—и угадалъ.

— Тише! Ради Бога—молчи!—прервалъ Карлинскій.—Теперь совѣтуй, что мнѣ дѣлать?

— Мнѣ—совѣтовать?... Тутъ нужна опытность, а въ этомъ отношеніи нѣтъ человѣка неопытнѣ меня.

— Какимъ же образомъ ты могъ догадаться? Скажи, ради Бога; ты очень испугалъ меня. Я думалъ, что, кромѣ меня, никто на свѣтѣ не знаетъ моей тайны... Я такъ храню и скрываю ее.

— Да и я вѣрно не угадалъ бы ея, если бы не твое признаніе, —сказалъ Алексѣй, успокоивая друга,—и если бы я прежде не зналъ твоего сердца.

— Выслушай же меня и позволиь оправдаться,—тихо перебилъ Юліанъ, оглядываясь во всѣ стороны.— Не думай, чтобы это была какая-нибудь низкая интрига,—между мною и ею нѣтъ другихъ болѣе короткихъ сношеній, кромѣ обыкновенныхъ, принятыхъ въ обществѣ: я никогда не говорилъ ей и даже ни разу не далъ понять, что именно чувствую къ ней. Не знаю, любить ли она меня... Моя любовь не имѣетъ и не можетъ имѣть будущности, а между тѣмъ такъ велика, такъ сильна и неукротима, что бывають минуты, когда, забывая все, я хочу схватить ее, похитить, задушить въ своихъ объятіяхъ и, по крайней мѣрѣ, умереть, такъ какъ не могу жить безъ нея.

При этихъ словахъ лицо Юліана разгорѣлось, глаза сверкали и двѣ слезы блеснули на нихъ, руки дрожали.

— Кромѣ того, ты долженъ знать,—иронически прибавилъ Юліанъ, смягчаясь и понизивъ голосъ,—Поля подруга и ровесница Анны—дочь горничной моей маменьки и эконома, сирота безъ имени и родныхъ. Наше соединеніе—невозможное дѣло, а любовь будетъ грѣхомъ, вѣроломствомъ, подлостью.

Юліанъ ударилъ себя въ грудь.

— Вотъ теперь первый и послѣдній разъ въ жизни говорю съ тобою откровенно, потому что я нуждался въ изліяніи, совѣтахъ и утѣшеніи!

Алексѣй глубоко задумался и, вставъ съ мѣста, сказалъ:

— Послушай. Если ты требуешь моего совѣта, то, значитъ, вполне довѣряешь мнѣ. Я не обману твоей довѣрчивости, не унижу себя лестью, не приму за шутку того, что составляетъ вопросъ жизни. Вамъ надо разстаться, удалиться другъ отъ друга, перестрадать, перетерпѣть и убить въ себѣ чувство, которое никогда не должно было рождаться. Вотъ единственный совѣтъ, какой могу дать тебѣ; другого не вижу.

Юліанъ взглянулъ на него глазами, покрытыми слезами, и воскликнулъ:

— Мой благоразумнѣйшій другъ! Ты даешь совѣтъ, но знаешь ли ты, что такое любовь? Понимаешь ли, что такое счастье? Передо мною нѣтъ будущности, а только однѣ жертвы и тяжкія оковы; у меня только и есть одна золотая минута и ты велишь мнѣ добровольно отречься отъ нея. О, это выше

силъ моихъ! Я ничего больше не желаю, какъ мечтать о ней, только видѣть ее, слушать ея щебетанье и веселый смѣхъ, глядѣть на ея невинныя забавы... Мнѣ кажется, что я умеръ бы въ ту минуту, когда бы коснулся устами лица ея!

Карлинскій повѣсилъ голову, и разговоръ на минуту прервался. Но, начавъ говорить, Юліанъ уже не могъ удержаться и тотчасъ воскликнулъ:

— О, зачѣмъ я не принадлежу къ числу равнодушныхъ людей, которые, заботясь больше о себѣ, легко жертвуютъ для себя всѣми! Можетъ ли быть что-нибудь легче, какъ сорвать минуту счастья, хотя бы потомъ пришлось выкупать ее слезами.

— Только бы не угрызеніями совѣсти! — прервалъ Алексѣй. — Притомъ, вѣдь ты еще не знаешь, любить ли она тебя?

— Любить ли меня? — повторилъ Юліанъ. — Да, этого я еще не знаю, ея уста не произнесли такого слова, потому что я не могъ бы слышать его; но ея глаза, но ея улыбка и тысячи другихъ признаковъ, отъ которыхъ я отворачивался и нарочно объяснялъ ихъ себѣ въ противную сторону, ясно говорятъ, что и она такъ же несчастлива, какъ я, съ тою только разницею, милый Алексѣй, что она, кажется, вызываетъ опасность, летитъ къ ней и не видитъ ея; она влечетъ меня къ себѣ, вполне, впрочемъ, увѣренная, что хотя бы я отдалъ ей свое сердце, мнѣ никогда не позволятъ отдать ей руку. Странное, необъяснимое существо! Въ какой степени я избѣгаю ея, въ такой она стремится ко мнѣ, ищетъ меня съ дѣтскою наивною, сама готова броситься въ мои объятія. О, это невыразимое мученье!

— Дѣло въ томъ, что ты напрасно обратился ко мнѣ за совѣтами, — сказалъ Алексѣй, — я не понимаю обоихъ васъ... и слушаю съ удивленіемъ; кажется, либо ты, либо я ошибаемся въ пониманіи любви...

— Какъ? Что ты хочешь сказать?

— Согласенъ ты терпѣливо послушать меня одну минуту?

— О, говори — и будь увѣренъ: я буду слушать съ любопытствомъ и съ жадностью.

— Ваша любовь непонятна для меня. Чего она хочетъ? Зачѣмъ гонится? Къ чему стремится? Къ разочарованью, холоду и къ нравственному униженію. Не понимаю, чего можете

вы желать? Что мучить васъ? Любовь, сколько я понимаю это слово, чисто духовное чувство, такъ можете ли вы желать больше того, что имѣете? Вы живете вмѣстѣ, никто не запрещаетъ вамъ тайно любить другъ друга, имѣете возможность помогать другъ другу и поддерживать въ сердцахъ священный огонь, можете года, десятки лѣтъ жить этимъ чувствомъ, тогда какъ земныя связи, вѣроятно, ослабили бы, погасили его.

— Поэтъ! Ты не знаешь человѣка! — подхватилъ Юліанъ — Твоя любовь всегда подобна Беатриче Данте, которая водить его по надземнымъ мірамъ. Человѣкъ состоитъ не изъ одной души. Я не умѣю разбить своего чувства на двѣ половины и одну изъ нихъ уничтожить; я люблю ее душою, сердцемъ, тѣломъ, люблю съ ногъ до головы, какъ создалъ ее Богъ!..

— Бѣдный! — вздохнулъ Алексѣй, — такъ приготовляйся къ разочарованію и мученьямъ...

— Мученье уже началось, разочарованія я не боюсь. Нѣтъ! Предметъ любви моей, который я знаю какъ самого себя, ни въ чемъ не обманетъ меня. Каждый день я нахожу въ ней новыя сокровища, съ каждою минутой сильнѣе люблю ее. Мнѣ представляется, что весь свѣтъ, подобно мнѣ, долженъ сходить отъ нея съ ума, и я желалъ бы удалить всѣхъ, чтобы одному остаться съ нею...

Алексѣй улыбнулся.

— Такъ терпи и не жалуйся... Впослѣдствіи ты будешь завидовать теперешнему несчастію и ослѣпленію... Но довольно объ этомъ, право, довольно, не будемъ говорить больше.

Юліанъ послушался и замолчалъ; разговоръ перешелъ къ общимъ замѣчаніямъ о людяхъ, съ которыми Алексѣй сегодня познакомился; наконецъ, друзья разстались печальные и задумчивые.

— Я имѣлъ счастье, — сказалъ Карлинскій, уходя въ свою комнату, — бывши въ Жербахъ, узнать всѣхъ твоихъ сосѣдей; завтра я отблагодарю тебя за это и представлю случай познакомиться съ нашимъ свѣтомъ. Я ничего еще не говорилъ тебѣ, изъ опасенія напугать тебя, но завтра именины Анны, — президентъ пригласилъ множество гостей.

— Что-же я буду дѣлать?

— Останешься здѣсь, если любишь меня. Вѣдь ты уже

далъ слово. Ты такъ же посмѣешься надъ панами, какъ я въ душѣ смѣялся у тебя надъ шляхтою. Спокойной ночи!

IV.

На другой день, среди толпы гостей, съѣхавшихся въ Карлинь, Алексѣй еще болѣе почувствовалъ себя не въ своемъ кругу и нѣсколько разъ покушался бѣжать въ Жербы, но данное слово удерживало его. Этотъ свѣтъ, — нарядный, офранцузенный, надменный, цѣнящій человѣка только по богатству и титулу, зараженный исконными предразсудками, передѣланными только на новый ладъ, свѣтъ, среди котораго Дробицкій сознавалъ себя чужимъ и пришельцемъ, — поражалъ его невыразимымъ страхомъ. Онъ замѣтилъ, что всѣ гости смотрять на него, какъ на дикаго звѣря, и что онъ производилъ на нихъ неблагопріятное впечатлѣніе. Поэтому Алексѣй даже боялся осматривать и наблюдать гостей, дабы не приписали ему насмѣшливости и неумѣстнаго любопытства.

Здѣсь собрались почти всѣ значительные представители современной аристократіи, всѣ характеристическія фигуры, не считая блѣдныхъ и истертыхъ, составлявшихъ фонъ общей картины. Вообще, покрытое однообразіемъ космополитической формы, это общество, при первомъ взглядѣ, не поражало ничѣмъ особенно рѣзкимъ; очевидно, эти люди были слишкомъ слабы для того, чтобы отличить себя отъ толпы какою-нибудь яркою оригинальностью. Одни покушались было на нее, но представлялись только смѣшными; другіе отличались странностями испорченныхъ людей, а большая часть обнаруживала только строгую разборчивость, холодъ и приличіе. Наружность и умственное состояніе здѣсь соотвѣтствовали одни другому. Разговоръ былъ забавный, остроумный, веселый, но въ существѣ пустой и поддерживался только еплетнями. Впрочемъ, сравнивая свою шляхту въ Жербяхъ съ здѣшними панами, Алексѣй находилъ послѣднихъ болѣе сносными, а глубже вникая въ то и въ другое общество, въ обоихъ видѣлъ одни и тѣ же недостатки, слабости и тщеславіе, съ тою разницею, что шляхта была откровеннѣе, а паны старались принимать на себя какую-то общую и, такъ сказать, заимствованную форму.

Здѣсь сердца были холоднѣе и даже совсѣмъ застывшія, ничто не могло ни разогрѣть, ни взволновать ихъ, улыбка сопровождала самые печальные вопросы, на нихъ отвѣчали явнымъ равнодушіемъ, а эгоизмъ, вездѣ составляющій основаніе человѣческихъ заблужденій—и здѣсь, хотя въ прекрасной оболочкѣ, ясно обнаруживалъ себя въ соединеніи съ какимъ-то цинизмомъ. Никто здѣсь не приходилъ въ восторгъ, и первымъ условіемъ приличія была ледяная холодность, принятая за доказательство ума, а, на самомъ дѣлѣ, говорившая только объ изнуреніи и старости сердца. Президентъ Карлинскій, постоянно старавшійся своимъ щегольствомъ и суетливостью затемнить предводителя, на мѣсто котораго онъ хотѣлъ поступить, и полковникъ Дельрію, старавшійся казаться молодымъ и человѣкомъ хорошаго тона, хотя сквозь наружную оболочку его пробивались казармы и старыя военныя привычки,—играли здѣсь почти главную роль.

Около нихъ стоялъ графъ Замшанскій—типъ слишкомъ извѣстный въ свѣтѣ и литературѣ, чтобы распространяться на счетъ его характеристики. Въ нашихъ романахъ такъ много лицъ подобнаго рода, что критика не одинъ разъ и, кажется, справедливо, упрекала за ихъ повтореніе; но возможно ли обрисовать наше высшее общество, пропустивъ пана космополита? Въ жизни мы встрѣчаемъ его на каждомъ шагу, потому не будемъ удивляться, если писатели такъ часто и противъ воли должны изображать подобное явленіе. Графъ Замшанскій былъ въ такой же мѣрѣ графъ, какъ и всѣ богатые поляки за границую. Первую мысль объ этомъ титулѣ подаль ему, кажется, управляющій отеля во Львовѣ, поздравивъ путешественника графомъ и вписавъ его съ такимъ титуломъ въ реестръ; въ Римѣ, сдѣлавшись кавалеромъ Золотой Шпоры, онъ уже въ собственныхъ глазахъ былъ правъ и безъ протеста принималъ данный ему титулъ. Такимъ образомъ, постепенно вошло въ обычай звать его паномъ графомъ—и Замшанскій, бывши на самомъ дѣлѣ шляхтичемъ, сдѣлался уже графомъ *par politesse*, безъ всякаго посторонняго возраженія. Уже немолодой, съ просьбью, но не позволявшій еще себѣ состарѣться, панъ Петръ Замшанскій держался прямо, платье носилъ узкое, одѣвался чисто, брился два раза въ день и съ

восторгомъ говорилъ о парижскихъ лореткахъ. На родинѣ бывалъ только случайно—за деньгами, либо по дѣламъ; настоящимъ его отечествомъ были желѣзныя дороги и поочередно всѣ столицы. Лѣто обыкновенно проводилъ онъ на минеральныхъ водахъ, которыхъ не пилъ, въ Баденъ-Баденъ, Гамбургъ, Эмсъ, Остенде, осень въ Англіи либо въ Италіи, зиму гдѣ-нибудь на югѣ—въ Неаполѣ или въ Сициліи. Онъ объѣхалъ всю Европу, короткое время жилъ въ Константинополѣ, въ Египтѣ и Алжирѣ; но вояжи его совершались такимъ образомъ, что графъ не имѣлъ возможности извлечь изъ нихъ болѣе того, что знали люди, никогда не выѣзжавшіе изъ дому. Онъ вовсе не заботился о познаніи чужихъ краевъ: желѣзная дорога, пароходъ, а за неимѣніемъ ихъ—дилижансъ или почтовая карета, перевозили Замшанскаго съ мѣста на мѣсто, такъ что онъ даже вовсе не видалъ свѣта, перелетая его запакованнымъ въ экипажѣ. Зато въ нѣкоторомъ отношеніи онъ прекрасно зналъ столицы: обычаи дворовъ, придворные экипажи, клубы, трактиры, увеселительныя мѣста и дома, гдѣ давались блистательныя балы. Славныя галлерей онъ посѣщалъ только по обязанности, дабы впослѣдствіи могъ сказать, что знаетъ Мадонну Сикста, Ночь Корреджіо, что былъ во Флорентинской трибунѣ и дотрогивался до фресокъ Рафаеля, но о картинахъ и произведеніяхъ искусства зналъ только, въ какія онѣ вставлены рамы, гдѣ осыпалась краска или какую заплатили за нихъ цѣну. Замшанскій ни къ чему не имѣлъ пристрастія, но обо всемъ говорилъ горячо; кромѣ того, имѣлъ огромный запасъ маленькихъ анекдотовъ и мелкихъ наблюденій. Онъ собиралъ и всѣмъ показывалъ очень любопытныя визитныя билеты, пригласительныя письма, адреса и накопилъ ихъ цѣлый портфель; прекрасно помнилъ, гдѣ кого видѣлъ и въ какомъ костюмѣ, буквально повторялъ самыя маловажныя слова знаменитыхъ людей. Несмотря на свои сѣдины и слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ, графъ былъ вѣтренъ и легкомысленъ какъ юноша, забавлялся каждою бездѣлицею, все схватывалъ горячо, бросалъ равнодушно, забывалъ скоро, приходилъ въ чувствительность, легко прощался со словами, и на слѣдующей станціи, вмѣстѣ съ пепломъ сигары, стряхивалъ воспоминанія, которыя намѣревался хранить до гроба.

Съ графомъ прибылъ кузень его, кузень въ то же время Карлинскихъ, а по бабкамъ, прабабкамъ, дѣдамъ и прадѣдамъ кузень всему свѣту—панъ Марцеллъ Петрашъ, человѣкъ молодой и подозрительнаго состоянія; онъ поочередно приставалъ ко всѣмъ, жилъ въ домахъ родственниковъ и, повидимому, намѣревался жениться. Это типъ также слишкомъ истертый, но часто встрѣчаемый въ высшихъ обществахъ. Петрашъ ничего не зналъ, не кончилъ курса наукъ ни въ одномъ учебномъ заведеніи, но за панскимъ столами привыкъ къ комфорту и роскошной жизни, говорилъ по-французски, тащовалъ, курилъ сигары, ѣздилъ верхомъ и игралъ въ префрансъ. Многіе довольно охотно употребляли его на услуги въ нчтожныхъ случаяхъ, посылали за покупками, назначали эмпонникомъ распорядителей на балахъ, поручали принимать гостей на поминкахъ и вѣжливо благодарили секретными подарками. Хотя очень разсчетливый, Петрашъ любилъ играть, всегда выигрывалъ, жилъ безъ расходовъ и ждалъ обѣщанной съдобы папны, имѣвшей принести ему собственный домъ и независимое положеніе. Впрочемъ, надо отдать ему справедливость за то, что, всегда стремясь въ хорошее общество, въ случаѣ недостатка или отсутствія знаменитыхъ друзей своихъ, Мѣ безъ церемоніи ѣлъ бифштексы въ домахъ уѣздныхъ цѣлителей и судей, несмотря даже на то, что они не принадлежали къ его знатной фамиліи и только-что вышли изъ разряда сѣрой шляхты.

Спустя нѣсколько времени, представили гостямъ Алексѣя который долженъ былъ рекомендоваться всѣмъ—и, во-первыхъ, какому-то пану Проту Одымальскому. Какъ графъ Замшанскій былъ специалистомъ въ сигарахъ, такъ Одымальскій былъ по ремеслу конюхомъ. Довольно богатый человѣкъ, средних лѣтъ,—онъ былъ оракуломъ всѣхъ конюшенъ, знаменитѣйшимъ ѣздокомъ во всемъ околоткѣ, судьей на скачкахъ, посредникомъ въ рѣшеніи вопросовъ насчетъ гривы и хвоста, однимъ словомъ—это былъ *спортсменъ* въ обширнѣйшемъ смыслѣ или, вѣрнѣе, царь конюховъ. Ни одна ярмарка не обходилась безъ него, ни одна значительная закупка лошадей не состоялась безъ его совѣтовъ. Протъ особенно славился талантомъ передѣлывать самыхъ дурныхъ клячъ въ прекрасныхъ лоша

дей—и притомъ въ одно мгновеніе. Про него-то именно рассказывали въ Бердичевѣ, что, купивъ у одного шляхтича четверку лошадемокъ, подъ конецъ ярмарки онъ опять продалъ ихъ хозяину, который узналъ собственныхъ лошадей только уже на первой станціи. Ни одинъ коноваль не умѣлъ такъ вычистить, подстричь, вымыть, поддѣлать, выкрасить, вылѣчить и заполировать лошадь; даже характеръ лошади измѣнялся въ рукахъ Прота; онъ придавалъ ей огня или дѣлалъ ее смиренѣе, смотря по тому, что требовалось.

Въ торговлѣ лошадьми, натурально, нельзя требовать слишкомъ строгаго исполненія правилъ совѣсти и честности, а потому Протъ только смѣялся, если кто упрекалъ его въ обманѣ, и отвѣчалъ съ гордостью: «Милый мой! Надо смыслить въ подобныхъ вещахъ; гдѣ же были у тебя глаза?..»

Наконецъ, если кто продолжалъ еще сердиться, Одымальскій всегда готовъ былъ на поединокъ и умѣлъ стрѣляться, но отдавать назадъ деньги—никогда не имѣлъ привычки. Проту хорошо было заниматься своимъ ремесломъ; предоставивъ домашнее хозяйство и дѣтей женѣ, самъ онъ всю жизнь проводилъ въ бричкѣхъ и въ веселыхъ компаніяхъ съ мужчинами. Въ своемъ родѣ это былъ также знаменитый человѣкъ; всѣ чрезмѣрно любили его, потому что онъ умѣлъ со всѣми ужиться... кутить, драться, играть въ карты, пѣть—на все безцѣнный человѣкъ. Протъ даже родного брата обманулъ бы лошадью, но это опять иное дѣло: мѣновая торговля имѣетъ свои особыя права. Протъ Одымальскій, принадлежа по своему имени, связямъ и богатству къ панамъ, хотя и занимался торговлею лошадьми, но вовсе не стыдился ремесла своего: онъ даже утверждалъ, что въ немъ непременно течетъ рыцарская кровь, если онъ питаетъ такую страсть къ лошади. Онъ жилъ на барскую ногу, открыто, и всѣ сосѣди обожали его. Сознывая свое важное значеніе, Протъ ходилъ съ поднятою головою и, всегда имѣя въ карманѣ пистолетъ, не слишкомъ былъ вѣжливъ; но эту слабость его всѣ считали только прямодушіемъ.

Здѣсь былъ также родной братъ Прота, панъ Янъ Одымальскій. Почти однихъ лѣтъ съ Протомъ, Янъ нисколько не былъ похожъ на него и не имѣлъ ни усовъ, ни такой фигуры, ни наружнаго вѣса, какъ братъ. Но, несмотря на коротко острижен-

ные волосы, лицо выбритое до волоска, глаза безъ блеска и самую скромную одежду Яна, всѣ низко кланялись ему, потому что Янъ былъ изъ числа первыхъ богачей въ околоткѣ.

Получивъ послѣ отца прекрасное, но обремененное долгами имѣніе, Протъ поправилъ его приданымъ взятымъ за женою, а Янъ самъ нажилъ нѣсколько тысячъ душъ и огромные капиталы. Вездѣ говорятъ, что въ насъ, полякахъ, нѣтъ врожденной способности или склонности ни къ торговлѣ, ни къ промышленности; однако, нашъ капиталистъ составлялъ въ этомъ случаѣ рѣдкое исключеніе. Деньги были у него самою главною цѣлью, все прочее — предметами второстепенными. Панъ Янъ наживалъ изворотливостью, медленно, умѣючи и хотъ честнымъ образомъ, но безъ состраданія къ людямъ и безъ малѣйшаго вниманія къ ихъ положенію. Какъ человѣкъ строгой справедливости, Янъ всегда поступалъ законно и честно, никогда не подвергался отвѣтственности передъ людьми; съ Богомъ и совѣстью у него были другіе расчеты. Слѣдующія кому бы то ни было деньги онъ платилъ въ назначенный день и часъ, но неисправнаго заимодавца готовъ былъ запретъ въ хомутъ. Суровый къ самому себѣ и къ всѣмъ людямъ, Янъ молчаливо признавалъ, что есть вещи важнѣе денегъ, и всѣмъ позволялъ думать такъ; но своими поступками выражалъ, что не раздѣлять подобнаго заблужденія. Онъ никогда не спорилъ, не обвинялъ другихъ, не защищалъ себя, но потихоньку и съ непреклонностью все дѣлалъ по-своему. Природа не дала Яну ни особенныхъ способностей, ни быстроты разума, онъ даже былъ довольно тупъ и не учился въ школѣ, но эти недостатки вполне вознаграждались въ немъ силою воли. При помощи этого могучаго двигателя, безъ постороннихъ средствъ, Янъ нажилъ огромное богатство и достигъ всеобщаго уваженія, котораго, въ самомъ дѣлѣ, заслуживалъ трудолюбіемъ и постоянствомъ, но не отсутствіемъ сердца, принимавшимся всѣми за какую-то твердость характера. Въ помѣстьяхъ Яна крестьянамъ было не худо; но строго отдавая имъ все, что слѣдовало, помѣщикъ ни словомъ, ни дѣломъ не оказывалъ имъ сочувствія, милосердія или состраданія, въ работахъ не давалъ потачки и облегченія, въ печали не утѣшалъ, виновныхъ не прощалъ, говорилъ кратко и сурово, а денежнаго долга не прощалъ даже умирающему.

Такъ какъ Янъ имѣлъ помѣстья въ разныхъ уѣздахъ и губерніяхъ, то получалъ съ нихъ разнообразныя доходы: въ одномъ имѣннѣ у него дѣлали гонты и брусня, въ другомъ гнали смолу, въ третьемъ фабриковали сукно, а когда стали открываться сахарныя заводы, принялись за свекловицу. Но, замѣтивъ въ скоромъ времени, что безъ нѣмцевъ многого не сдѣлаешь, Янъ, никому не говоря ни слова, досталъ заграничный паспортъ, поѣхалъ во Францію и Германію, нѣсколько времени просидѣлъ ученикомъ на фабрикахъ и, возвратясь домой, уже самъ могъ хорошо управлять сахарнымъ заводомъ — и дѣло пошло у него слишкомъ прибыльно.

Хотя всѣ хорошо знали, что Янъ никому не помогаетъ и даромъ ничего не дѣлаетъ, однако богатство давало ему значеніе, привлекательность и первенство; всѣ — старые и молодые улыбались ему — точно хорошенькой женщинѣ, а онъ принималъ все это, какъ необходимую дань, холодно и равнодушно.

Въ описанной толпѣ пановъ, кромѣ космополита, стараго любовника Лоды съ кузеномъ Петрашемъ, кромѣ двухъ Одымальскиххъ, конюха и промышленника, находились еще и другіе любопытные типы; напримѣръ, тамъ былъ панъ Альбертъ Моршанецъ, человѣкъ съ знатнымъ именемъ и нѣкогда владѣлецъ прекрасныхъ имѣній, а теперь совершенно разоренный двумя разводами и разнообразными житейскими наслажденіями. Въ настоящее время у него остались только усадьба съ великолѣпнымъ домомъ, любовница, которой онъ не могъ сбить съ рукъ, барскія прихоти и аристократическая осанка. Но въ наружности его вовсе не было видно ни банкротства, ни упадка, ни отчаянія, потому что онъ жилъ весело, постоянно смѣялся, игралъ въ большую и свысока, смотрѣлъ на шляхту, въ полной увѣренности, что какое-нибудь наслѣдство опять поставитъ его на ноги. Впрочемъ, онъ былъ очень добрый человѣкъ, для своихъ вѣжливый и обязательный, для женщинъ чрезвычайно услужливый, прекрасно говорилъ по-французски, игралъ на фортепіано, пѣлъ и былъ секундантомъ на всѣхъ поединкахъ, какіе только случались въ сосѣдствѣ; иногда острилъ по-своему съ кредиторами, приказывая выгонять ихъ вонъ, обливать водою, обстрѣливать и употреблять другія средства противъ нихъ.

Съ Протомъ Одымальскимъ прибылъ панъ Эрнестъ Галонка —

человѣкъ самый милый въ свѣтѣ, панъ не панъ, но существо такой натуры, которое могло существовать только въ высшей сферѣ, и, выброшенное изъ нея, точно рыба безъ воды, непременно бы издохло.

Въ прежнія времена подобныхъ людей называли дармоѣдами, а на нынѣшнемъ вѣжливомъ языкѣ Галонку звали другомъ пановъ. Превосходный актеръ—Эрнестъ перенялъ ихъ языкъ, обычаи, манеры, способъ мышленія, вкусъ, прихоти, словомъ—все, даже до способа стрижки ногтей. Смотри на него издали, каждый побожился бы, что это панъ изъ пановъ, такъ онъ былъ похожъ на нихъ; а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, напри- мѣръ, нѣжностью чувствъ и вкуса даже превосходилъ аристо- кратовъ, прежде служившихъ для него образцами. Несмотря на то, что онъ воспитанъ былъ на гречневой кашѣ съ саломъ и, квартируя прежде у одной вдовы, можетъ быть, не одинъ разъ съѣдалъ во время ужина салную свѣчу, а вмѣсто завтрака кошачьи пироги, — Эрнестъ, въ послѣдствіи, приобрѣлъ такую опытность въ распознаваніи доброты трюфелей, букета винъ и цѣнности соусовъ, что, когда шло дѣло о столѣ, его непре- мѣнно приглашали въ посредники. У шляхты онъ не бывалъ никогда, потому что не могъ ѣсть ржаного хлѣба, не терпѣлъ бѣлаго мяса, а съ солониною находился въ самыхъ далекихъ сношеніяхъ. Притомъ, что-бы онъ сталъ дѣлать въ низшемъ кругу? Кто могъ бы тамъ надлежащимъ образомъ понять и оцѣнить его высокія теоріи преферанса, систему подаванія винъ и кушаній, разсужденія о бифштексѣ и анализъ страсбург- ского паштета? Его взгляды стремились выше... Сдѣлавшись необходимымъ для знатнаго общества, Галонка навсегда снялъ съ себя сѣрый халатъ, нашелъ себѣ дядю епископа, тетку старостину, записался въ паны и навѣки соединился съ ними. Отдавъ небольшое число своихъ крестьянъ въ аренду, Эрнестъ круглый годъ ѣздилъ по знакомымъ, игралъ, пилъ, ѣлъ, весе- лился и, по слухамъ, даже наживалъ деньги. Чаше всего онъ гостилъ у пани Д., уже довольно старой женщины, которой мужъ всегда жилъ за границею, и, какъ говорили злые люди, Галонка служилъ для нея воспоминаніемъ молодости. Досто- вѣрно только то, что онъ хозяйничалъ въ ея домѣ, какъ въ своемъ собственномъ.

Кромѣ упомянутыхъ лицъ, тамъ былъ еще панъ Каласантій Спанскій—человѣкъ немолодой, всю жизнь просидѣвшій за сочиненіемъ исторіи Балеарскихъ острововъ. Каласантій переписывалъ ее уже двадцать шестой разъ, всегда составляя новое предисловіе. Кромѣ того, онъ занимался еще составленіемъ коллекціи мотыльковъ и шмелей. Первая страсть Каласантія была прослыть ученымъ, а между тѣмъ, говоря по правдѣ, свѣдѣнія, нахватанныя безъ толку, совершенное отсутствіе способностей и незнаніе системъ, дѣлали его только самымъ плохимъ компиляторомъ. Благороднѣйшій человѣкъ, если не считать скупости, Каласантій имѣлъ много прекрасныхъ свойствъ и во всю жизнь никому умышленно не сдѣлалъ зла.

Вмѣстѣ съ нимъ прибылъ родной племянникъ, панъ Юзефъ Спанскій, съ нетерпѣніемъ ожидающій наслѣдства послѣ бездѣтнаго дяди, потому что Каласантій уже отказалъ ему мотыльковъ и шмелей, предоставивъ распоряженіе прочимъ имуществомъ дальнѣйшему усмотрѣнію. Юзефъ, страстно любившій охоту, считалъ Жерара первымъ героемъ въ свѣтѣ, выписывалъ «*Journal des Chasseurs*», писалъ въ него статьи и называлъ ограниченными и безчувственными людьми всѣхъ, кто, подобно ему, не восхищался заячьими ушами и лисьими хвостами.

Женская часть общества состояла изъ полковницы Дельріо, на зло президенту игравшей роль хозяйки, изъ Анны, оживлявшей Карлинскій салонъ своею улыбкою и красотою, изъ прекрасной Поли, всегда полной жизни и привлекавшей къ себѣ огнемъ, горѣвшимъ на устахъ ея, и еще изъ небольшого числа пріѣзжихъ дамъ. Изъ нихъ мы опишемъ только двухъ. Самое первое мѣсто занимала супруга пана Прота Одымальскаго, мать многочисленнаго семейства. Получивши нѣкогда отличное воспитаніе, что и теперь было въ ней очень замѣтно, она была проникнута важностью своего предназначенія—воспитывать потомковъ огромной фамиліи Одымальскихъ, и это чувство до такой степени ослѣпляло эту женщину, что привело ее къ самому странному понятію о своихъ обязанностяхъ. Считая Одымальскихъ поколѣніемъ избраннаго рода, она внушала дѣтямъ только понятія о знаменитости фамиліи, къ которой они принадлежатъ, и о необходимости поддержать свое достоинство.

Болѣе всего опасаясь, чтобы дѣти ея не дружились съ низшими, она держала сыновей дома и воспитала изъ нихъ паничей съ столь нѣжными чувствами, нервами и вкусами, что была уже спокойна насчетъ ихъ будущности.

Сестра графа Замшанскаго, баронесса Вульская, вдова съ двумя дѣтьми и необыкновеннымъ множествомъ долговъ, принадлежала къ разряду женщинъ потому только, что нѣкогда была молода и красива. По смерти мужа, она дѣятельно занялась имѣньемъ и потопила въ немъ послѣднія свои чувства и прелести, употребляя всѣ силы и способности на поправку обстоятельствъ. Небрежный костюмъ, разсѣянность, глубокая внимательность при разрѣшеніи практическихъ вопросовъ о торговлѣ, продажѣ, новыхъ распоряженіяхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, сообщали Вульской рѣзкую печать женщины - дѣльца. Пользуясь случаями, она съ однимъ совѣтовалась насчетъ адвоката, котораго хотѣла употребить по дѣламъ своимъ, другому рассказывала, какую намѣревалась подать просьбу въ судъ, употребляя въ разговорѣ техническіе термины, съ третьимъ разсуждала о цѣнѣ на водку. На вопросъ о чемъ-нибудь другомъ она только улыбалась. И теперь, чтобы посовѣтоваться съ президентомъ, если позволить время, она взяла съ собою на всякій случай копію съ указа опеки, резолюцію губернскаго правленія и письмо своего повѣреннаго въ С.-Петербургѣ. Не было болѣе дѣятельной, но вмѣстѣ и болѣе скучной женщины, какъ баронесса Вульская; всѣ бѣжали отъ нея, и одно присутствіе ея набрасывало мрачную тѣнь на каждое веселое собраніе.

Здѣсь находилась и псевдо - графиня Д., въ домѣ которой часто проживалъ панъ Эрнестъ Галонка, обвиняемый въ близкихъ связяхъ съ нею. Въ прежнее время необыкновенная красавица—она до сихъ поръ еще поддерживала въ себѣ желаніе нравиться: носъ прямой, глаза черные и глубоко впавшіе, тубы красивыя, но уже не открывавшіяся, дабы не обнаружить недостатка зубовъ, и бѣлизна тѣла, кое-какъ поддерживаемая косметическими средствами. Пани Д. говорила только по-французски одѣвалась щегольски и держалась самаго лучшаго тона. На маленькіе грѣшки ея не обращали строгаго вниманія, потому что она умѣла управлять своею лодкою такъ искусно,

что ни разу не разбивала ее о скандалъ, рѣзко бросающійся въ глаза постороннихъ.

Избѣгая новыхъ знакомствъ и обращенныхъ на себя взоровъ, Алексѣй сѣлъ въ самый дальнѣй уголъ и въ глубокой задумчивости разсматривалъ общество, какъ вдругъ близь него зашелестило платье, и онъ съ удивленіемъ увидѣлъ передъ собою смѣющееся лицо Поля.

Въ этотъ день Поля была до такой степени прекрасна, что Юліанъ не могъ оторвать отъ нея своихъ глазъ. На ней было бѣлое платье съ голубыми лентами, въ волосахъ немного голубыхъ цвѣтовъ, возвышавшихъ золотистый отблескъ ихъ, а бѣлыя обнаженные руки и плечи ея восхищали строюю правильностью формъ. Рядомъ съ Анной, одаренной красотою хотя поэтическою, но строюю и возбуждавшею только удивленіе и благоговѣніе, маленькая, веселая, говорливая и пылкая Поля представляла какъ-бы нарочно подобранный контрастъ.

— Зачѣмъ вы сѣли въ уголъ? — смѣло спросила она Алексѣя. — Почему не хотите сблизиться съ обществомъ?

— Я здѣсь чужой.

— И не любопытствуете узнать новое общество? Ужели его наружность такъ поражаетъ васъ?

— Скажите лучше: страшить.

— Въ самомъ дѣлѣ? А меня такъ они больше смѣшатъ, нежели пугаютъ.

— Но для васъ этотъ свѣтъ не чужой.

— Ошибаетесь, — съ необыкновенною живостью перебила Поля. — Это не мой свѣтъ, хотя я воспиталась и живу въ немъ, потому что я сирота и не имѣю ни одного родного на свѣтѣ! Съ самаго дѣтства живя въ здѣшнемъ кругу, я, поневолѣ, должна была заблуждаться и думать, что нахожусь въ своемъ обществѣ... Но нѣтъ!.. нѣтъ! Какой-то инстинктъ влечетъ мои мысли и сердце въ другое мѣсто... Повѣрьте, не одинъ разъ, глядя на Жербы, я завидовала вашему старому двору среди густыхъ липъ, завидовала жизни въ тамошнихъ маленькихъ и крытыхъ соломою домикахъ.

Глаза дѣвушки покрылись слезами. Поля могла въ одно время и плакать, и смѣяться.

— Я пришла къ вамъ потому, — прибавила она, — что

здѣсь, кажется, только мы двое чужіе и пришельцы. Мы обязаны поддерживать другъ друга.

— Я, въ самомъ дѣлѣ, чужой, но вы...

— А я больше, нежели вы! Нечего лгать и показывать себя не тѣмъ, что значишь на самомъ дѣлѣ. Панъ Юліанъ, вѣрно, говорилъ вамъ о сиротѣ.

И Поля устремила на Алексѣя самый проникательный взоръ. Дробицкій испугался такого взгляда, боялся, чтобы Поля не прочитала на днѣ души его всей правды, а потому смѣшался и, покраснѣвъ, сказалъ:

— Юліанъ ничего не говорилъ мнѣ.

Поля поняла, что Алексѣй солгалъ, угадала по предчувствію, что отъ стараго товарища Юліанъ не имѣлъ секретовъ; румянецъ Дробицкаго многое объяснилъ ей.

— Не хорошо лгать,—сказала она тихимъ голосомъ.— Но перестанемъ говорить объ этомъ... Какъ вамъ понравилась Анна?—спросила она, спустя минуту.

При этомъ внезапно, неожиданномъ вопросѣ, Алексѣй покраснѣлъ еще больше и такъ растерялся, что не зналъ, какъ отвѣтить дѣвушкѣ.

— О, вы боитесь меня! — воскликнула Поля, устремляя на него дружескій взглядъ. — Говорите всю правду,—я не измѣню вамъ.

— Я такъ мало видѣлъ ее и почти вовсе не знаю...

— Фи, фи! Вы постоянно лжете. Во-первыхъ, я хорошо замѣтила, что вы не спускали съ нея глазъ; во-вторыхъ, развѣ нужно много времени, чтобы узнать и оцѣнить ее?.. Довольно только взглянуть на Анну, чтобы узнать въ ней существо высшее, избранное, идеальное!

— Да, вы угадали мысль мою.

— Мнѣ сказалъ это вашъ взглядъ... Сердце, умъ, наружность—все въ одинаковой спешени превосходно въ ней; это чистый брильянтъ безъ малѣйшаго пятна; при ней всѣ кажутся мнѣ такими мелкими, слабыми...

— Но и Юліанъ имѣетъ также рѣдкое сердце и рѣдкій умъ!—невольно сорвалось съ языка Алексѣя, хотѣвшаго перемѣнить предметъ разговора.

Тутъ Поля невольно покраснѣла, вздрогнула и не могла

предъ взорами Алексѣя скрыть впечатлѣнія, какое произвело на нее сказанное имя, и что еще хуже, она не нашлась что сказать въ отвѣтъ, вскочила съ мѣста, не имѣя силъ владѣть собою, и убѣжала.

Повидимому, не обращая вниманія на Полю и Алексѣя, Юліанъ видѣлъ издали только ихъ сближеніе, и чувство ревности сдавило его сердце. Онъ ходилъ взадъ и впередъ, приближался, наконецъ сѣлъ рядомъ съ Дробицкимъ и спросилъ съ безпокойствомъ:

— О чемъ вы говорили съ Полей?

— Нашъ разговоръ былъ такого рода, что нѣтъ возможности дать въ немъ отчетъ. Она говорила тутъ многое... Смѣялась надъ чѣмъ-то костюмомъ и описывала мнѣ гостей, которыхъ я вовсе не знаю.

— Но почему въ концѣ разговора она такъ покраснѣла?

— Развѣ она покраснѣла? Я не замѣтилъ этого.

— Не замѣтилъ?— произнесъ Юліанъ, кивая головою. — Обманывай, кого угодно, только не меня...

Въ эту минуту ливрейный слуга подаль Аннѣ на серебряномъ подносѣ запечатанный пакетъ; вниманіе Юліана и всѣхъ гостей обратилось на именинницу.

— Отъ дядюшки Аѳанасія! — воскликнула Анна, взглянувъ на пакетъ.

— Отъ Аѳанасія? Но почему онъ не пріѣхалъ самъ?— подхватилъ президентъ. — Вѣчный чудакъ!

Вмѣсто отвѣта, Анна проворно вскрыла пакетъ, обратившій на себя глаза всѣхъ, и вмѣсто какой-нибудь игрушки, обыкновенно даримой женщинамъ въ день ангела, по подносу разсыпались огромныя четки изъ чернаго дерева... На концѣ ихъ бѣлѣлся маленькій черепъ, превосходно выточенный изъ слоновой кости, и распятіе съ изображеніемъ Спасителя, окруженное большимъ терновымъ вѣнкомъ.

Символы смерти и страданій... Всѣ переглянулись; Юліанъ вздрогнулъ, а президентъ не могъ удержаться отъ восклицанія:

— Ахъ, какой неисправимый чудакъ! Умѣстно ли это?

— Какъ можно подобныя вещи присылать въ именины? — повторили другіе.

Но лицо Анны вовсе не выражало, что ее поразилъ и опе-

чалилъ подарокъ, признанный всѣми за какое-то зловѣщее предсказаніе. Улыбка не изгладилась на устахъ ея, глаза сверкали живою радостью и восторгомъ. Она долго всматривалась въ изображеніе Христа и терновый вѣнецъ. Наконецъ, видя, что четки производятъ непріятное впечатлѣніе на окружающихъ дамъ, вышла въ свою комнату. Поля опять подошла къ Алексѣю.

— Видѣли?—спросила она.

— Видѣлъ; но до тѣхъ поръ не пойму столь необыкновеннаго подарка, пока вы не объясните мнѣ его значеніе.

— Чтобы понять значеніе этого подарка, вамъ слѣдуетъ познакомиться съ паномъ Аванасіемъ,—отвѣчала Поля.—Долго пришлось бы говорить о немъ; но онъ, въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ замѣчательный. Видѣли, какъ Анна приняла терновый вѣнецъ? О, это ангелъ, въ полномъ смыслѣ ангелъ!—воскликнула Поля въ восторгѣ.

Алексѣй стоялъ въ задумчивости.

— Да, правда, — проговорилъ онъ, забывшись. — Человѣкъ даже боится говорить съ нею... Такою представляется она святою и чистою!.. Дыханье и слово, мысль и взглядъ нашъ могли бы осквернить ее.

— Ее ничто не осквернитъ, — съ восторгомъ перебила Поля, хорошо замѣтивъ благоговѣніе, выраженное Алексѣемъ.—Я радуюсь, что хотя вы оцѣнили и поняли ее по-моему... Теперь мнѣ есть съ кѣмъ подѣлиться своимъ уваженіемъ и любовью къ Аннѣ!

V.

Первый разъ въ жизни Алексѣй сбился съ предназначенной себѣ дороги, поддавшись прелести дружбы, а можетъ быть и силѣ впечатлѣнія, произведеннаго на него Анною.

Не могу сказать, что онъ влюбился въ нее: эта фраза недостаточно выражала бы рѣдкое, необыкновенное, исключительное чувство, овладѣвшее Алексѣемъ. Въ человѣческомъ сердцѣ заключаются тысячи отгѣнковъ привязанности, но его пробужденіе зависитъ отъ искры пробуждающей. Почти каждая женщина заставляетъ любить себя по-своему и встрѣчаются женщины съ такою огромною душевною силою, что способны даже самаго

чувственнаго чловѣка увлечь въ неземную сферу. Любятъ сердцемъ и головою, тѣломъ и душою, любятъ еще смѣсю всего этого и въ различныхъ степеняхъ. Въ отношеніи Анны, Алексѣй сталъ испытывать такое чувство, которое опредѣлить невозможно: въ немъ заключалось и удивленіе красотѣ, и очарованіе прелестями, и предчувствіе чистой души, и созерцаніе внутренняго ея величія, и уваженіе къ самоотверженію—все благородное самыми яркими красками просвѣчивалось въ этой дѣвушкѣ. Земная любовь — пламенная, прихотливая, безумная вовсе не имѣла здѣсь мѣста. Въ Алексѣѣ не возбуждалось и желанія сблизиться, соединиться съ нею какимъ бы то ни было узломъ, который бы сравнялъ и уравнивалъ ихъ. Въ его глазахъ Анна не касалась стопами земли, а была чѣмъ-то до такой степени возвышеннымъ, чистымъ, почти эфирнымъ, что онъ не смѣлъ бы коснуться края одежды ея и вѣчно лежалъ бы у ея ногъ, чтобы согрѣваться лучами очей ея...

Алексѣй, забывъ свою мать и обязанности, забывъ свою дикость и униженіе, желалъ подольше пожить въ Карлинѣ и наглядѣться на картину, которая должна была навѣки запечатлѣться въ душѣ его. Можетъ быть, только одинъ глазъ замѣтилъ, что творится въ таинственной глубинѣ чловѣка, глазъ Поля, одаренной необыкновеннымъ инстинктомъ узнавать людей и понимать ихъ чувства.

— Бѣдняжка! — воскликнула она про себя. — Подобно мнѣ, онъ обреченъ на неизлѣчимую болѣзнь... Жаль мнѣ его... Знаю, что онъ сумѣлъ бы любить искренно, горячо, но Анна... Что за мысль? Душа Анны обнимаетъ міръ, любитъ всѣхъ; но такая любовь, какъ понимаю я, никогда не родится въ ней. Она сжалится, утѣшитъ, но спуститься съ свѣтлой высоты своей не рѣшится... для кого бы то ни было!

Задумалась бѣдная Поля, сѣла къ фортепіано и унеслась въ другой міръ, гдѣ мысль выражается звуками... Тамъ ей было лучше... Юліанъ, забравшись въ дальній уголъ, смотрѣлъ на дѣвушку и все время сидѣлъ на одномъ мѣстѣ, съ устремленными на нее глазами. Наконецъ, ихъ взгляды встрѣтились, и оба они позабыли, что за ними наблюдаютъ. Поля не спускала глазъ, Юліанъ не отворачивалъ своихъ, и краснорѣчивымъ взглядомъ они высказали другъ другу все, что хотѣли. Нако-

нецъ, Поля вздрогнула, опомнилась, проворно встала съ мѣста и убѣжала изъ салона. Юліанъ, пожаловавшись на головную боль, взялъ съ собою Дробицкаго и вышелъ вонъ. Анна чрезъ нѣсколько минутъ пошла къ Полѣ посмотрѣть, не захворала ли она. Полковникъ также ускользнулъ на свою половину и президентъ, пожелавъ бывшей своей невѣстѣ спокойной ночи, хотѣлъ было уйти, но вдругъ полковница встала и попросила его остаться на минуту.

Президентъ принялъ официальную мину, впрочемъ, проворно и съ вѣжливостью пододвинулъ ей стулъ и спросилъ:

— Что прикажете, пани полковница?

— Мнѣ хотѣлось бы поговорить съ паномъ президентомъ насчетъ дѣтей моихъ,—произнесла полковница, не скрывая, чего стоилъ ей теперешній разговоръ съ ненавистнымъ человѣкомъ.

— Со всею охотою... будемъ говорить о нихъ; вѣдь вамъ извѣстно, что они для меня точно родныя дѣти.

— Извините, панъ президентъ, что я вмѣшиваюсь въ это; мнѣ хочется обратить ваше вниманіе на одно обстоятельство, кажется, незамѣченное вами...

— Что же такое?—спросилъ нѣсколько озадаченный президентъ, вставъ съ мѣста.

— Я никогда не воображала, чтобы Анна способна была привязаться и коротко подружиться съ дѣвочкою такого низкаго происхожденія, какъ Поля.

— Позвольте, пани полковница?—отозвался президентъ.—Надѣюсь, вы ни въ чемъ не можете упрекнуть панну Аполлонію.

— Для этого ангела — Ануси не существуетъ никакой опасности,—перебила пани Дельрію.—Но ужели вы не видите, что пребываніе здѣсь такой молодой и съ такими горячими чувствами дѣвушки, какъ Поля, угрожаетъ Юліану большою опасностью. Онъ влюбленъ въ нее!

Президентъ, кажется, зналъ это не хуже полковницы. Но, видя, что его предупредили, перемѣнилъ тактику и разсмѣялся съ такимъ выраженіемъ, какъ будто не вѣрилъ словамъ ея.

— Онъ—влюбленъ? О, ваши глаза, кажется, видятъ больше того, что есть на самомъ дѣлѣ! Живая, смѣлая, остроумная, она, безспорно, могла понравиться Юліану, можетъ быть, даже занимаетъ и развлекаетъ его, но...

— Но подобное развлеченіе можетъ кончиться печально или скандально.

— Мнѣ кажется, что материнская заботливость ослѣпляетъ глаза ваши. Юліанъ—человѣкъ съ большимъ тактомъ, знаетъ свое и ея положеніе, видитъ—какая пропасть раздѣляетъ ихъ. Притомъ онъ человѣкъ благородный; слѣдовательно, мы можемъ быть спокойны.

— Если угодно, вы будьте спокойны, но меня ужъ не успокойте. Видѣли, какъ во время музыки они смотрѣли другъ на друга?

— Ну, если бы Юліанъ немножко и влюбился,—сказалъ президентъ,—это, можетъ быть, развлечетъ, расшевелитъ и оживитъ его; послѣдствій я не боюсь... Подобная любовь легко вылетитъ изъ головы его... И если ужъ мы начали разсуждать объ этомъ, такъ я скажу вамъ, что нашелъ для него жену.

Полковница покраснѣла отъ досады, что судьбою сына ея располагають безъ ея вѣдома. Притворяясь, будто не слышала послѣднихъ словъ, она живо обратила разговоръ къ Полѣ, которую не любила и завидовала даже въ томъ, что она приобрѣла себѣ сердце и привязанность Анны.

— Вы не боитесь послѣдствій потому, что не хотите видѣть ихъ; но я, зная эту дѣвочку съ малолѣтства, можетъ быть, имѣю справедливыя причины опасаться ихъ... Дай Богъ, чтобы мы не согрѣли змѣи у своего сердца... Живая, хорошенькая собою и коротко знакомая съ Юліаномъ,—можемъ ли мы знать,—что она воображаетъ? Я вижу только то, что она самымъ коварнымъ образомъ ласкается къ нему... Онъ человѣкъ молодой... Его легко поймать въ сѣти; нельзя ручаться, что она не мечтаетъ и выйти за него: въ такихъ отчаянныхъ головахъ все можетъ родиться...

Президентъ опять разсмѣялся.

— Вы слишкомъ горячо принимаете это обстоятельство,—сказалъ онъ.—Но я, право, не думаю о Полѣ такъ низко. Она дѣвушка разсудительная и, вѣрно, понимаетъ, что мы не позволимъ состояться такой неприличной свадьбѣ. Ужъ и такъ довольно было мезальянсовъ въ нашей фамиліи,—закончилъ президентъ съ удареніемъ и вздохомъ.

Полковница опять покраснѣла отъ гнѣва, зная, что послѣднія слова относились прямо къ ней. Президентъ продолжалъ:

— Притомъ, оторвать ее отъ Анны, которая нуждается въ ней, изъ-за какихъ-нибудь пустыхъ грезъ, совершенно осиротить этого ангела... было бы жестоко!.. Анна любитъ ее!

— Правда, но не я же виновата, если она свою любовь направила къ такой странной дѣвчкѣ.

— Будьте спокойны; мы не дремлемъ.

— Я считала обязанностью сказать вамъ объ этомъ обстоятельстве; вы поступите, какъ вамъ угодно. Дай Богъ, чтобы я была фальшивымъ пророкомъ, но очень боюсь вредныхъ послѣдствій отъ ихъ сближенія... Теперь я сказала все, а вы дѣйствуйте, какъ знаете.

Сказавъ это, полковница самымъ церемоннымъ поклономъ простилась съ президентомъ, а онъ, съ такою же вѣжливостью откланиваясь ей, прибавилъ шутливымъ тономъ:

— Не бойтесь, пани полковница!.. Поля такъ горда, что даже для счастья не унижить себя... Я хорошо знаю эту дѣвушку: ея натура страстная, живая, но благородная. Наконецъ, если бы она не была такою, то сообщество Анны должно возвысить и облагородить ее... Теперь Юліанъ мало будетъ дома... А хоть бы тамъ и была между ними какая-нибудь дѣтская легкомысленность...

— Вы, паны, привыкли человѣческое сердце считать за нуль, — возразила пани Дельріо: — оно не входитъ въ ваши расчеты... Дай Богъ, чтобы впослѣдствіи оно серьезно не напомнило о правахъ своихъ.

— Спокойной ночи, — сказалъ президентъ съ улыбкою, — спокойной ночи!.. Найдѣмъ средства и для сердца, если представится надобность.

VI.

На другой день Алексѣй уговорилъ Юліана ѣхать съ нимъ въ Шуру, къ пану Аѳанасію Карлиньскому, едва извѣстному намъ только даннымъ ему прозваніемъ чудака и присылкою въ день именинъ Анны четока и распятія съ терновымъ вѣнцомъ. Почти съ самыхъ молодыхъ лѣтъ онъ жилъ въ имѣніи, расположенномъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Карлина, среди дремучаго лѣсу. Въ нашемъ краю, сравнительно съ другими зем-

лями, еще недавно очищенномъ отъ непроходимыхъ лѣсовъ, находятся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ случайно или нарочно оставленныя вѣковыя пространства, хотя бесполезныя, но прекрасныя, потому что среди нихъ мы съ удивленіемъ встрѣчаемъ почти американскую растительность. Самую великолѣпнѣйшую въ этомъ родѣ, безспорно, должна считаться пуца Бѣловѣжская, послѣ нея Кобринская, съ ея огромными болотистыми пространствами, покрытыми елями, наконецъ лѣса Подлѣсьевъ Овручскаго, Пинскаго и Волынскаго. Въ такомъ-то именно углу, близъ деревни Шуры, панъ Аѳанасій Карлинскій избралъ себѣ резиденцію. Нѣсколько столѣтій ни одинъ изъ помѣщиковъ не жилъ въ этомъ имѣннѣ, принадлежавшемъ прежде Любомірскимъ и потомъ взятомъ въ приданое за женою Тимошеемъ Карлинскимъ. Впрочемъ, одинъ изъ Сренявитовъ, для охоты или изъ одной фантазіи, иногда проживалъ здѣсь, что показываютъ старый и огромный деревянный домъ, огороды и сады, развалившаяся часовня, пустая кружка и другія пристройки, найденныя тутъ Аѳанасіемъ, когда онъ получилъ это пространство по раздѣлу отцовскаго имѣнья. Аѳанасій Карлинскій имѣлъ еще другой фольварокъ съ хорошенькимъ домомъ, но такъ какъ онъ расположенъ былъ не въ уединенномъ мѣстѣ, то избралъ своей резиденціей Шуру; этотъ дикій, тихій и спокойный уголъ, больше всѣхъ пришелся по его вкусу. Онъ приказалъ немного поправить домъ, дабы можно было жить въ немъ, огородить запущенный садъ, отдѣлать часовню и, поселившись здѣсь на всю жизнь, почти никогда не выходилъ за границы сада и лѣсовъ своихъ.

Пана Аѳанасія не безъ причины звали чудакомъ, потому что онъ не былъ похожъ на другихъ людей; въ молодости онъ, на самое короткое время, удалился изъ дому, посланный родителями вояжировать по Европѣ, потомъ, слушаясь также приказаній отца, немного времени провелъ въ военной службѣ; но сдѣлавшись самовластнымъ паномъ, оставилъ свѣтъ и добровольно скрылся въ уединеніе. Никто положительно не зналъ всѣхъ происшествій его жизни и причинъ, образовавшихъ въ немъ такой характеръ, какой обыкновенно производятъ тайныя чувства, обманы и страданія. Отрекшись отъ всего, что люди называютъ счастьемъ, обществомъ, свѣтомъ, панъ Аѳанасій съ

небольшимъ количествомъ книгъ заперся въ своей Шурѣ и проводилъ все время въ молитвѣ, бесѣдахъ и размышленіи. Не занимаясь ни хозяйствомъ, ни другими дѣлами, онъ свысока смотрѣлъ на всѣ людскія заботы и даже смѣялся надъ ними; всѣ мысли его устремлены были къ вѣчности, къ будущей жизни, къ разрѣшенію вопросовъ, касающихся другого, высшаго міра. Снисходительный и кроткій къ людямъ, Аѳанасій, казалось, только ждалъ смерти и уже ничего не искалъ на землѣ.

Онъ любилъ родныхъ своихъ такъ, какъ любилъ весь свѣтъ, но къ земнымъ нуждамъ ихъ не былъ слишкомъ чувствителенъ и не спѣшилъ съ помощью, потому что пренебрегалъ жизнью и ея случайностями, какъ предметами преходящими. Любимѣйшимъ его чтеніемъ были Библія и мистическія творенія. Будучи католикомъ, Карлинскій заходилъ въ этомъ отношеніи такъ далеко, что не отвергалъ и протестантскихъ откровеній, видѣній и взглядовъ на будущую жизнь; въ его глазахъ даже всѣ заблужденія извинялись глубокою вѣрою и заботливостью о духовномъ мірѣ; онъ все прощалъ, кромѣ матеріализма и равнодушія къ душевному спасенію. Снисходительный къ людямъ, неправильно судившимъ о предметѣ, Аѳанасій былъ неумолимъ къ людямъ холоднымъ и издѣвавшимся надъ важнѣйшими вопросами о другомъ мірѣ. Подобное религіозное настроеніе подавило въ немъ всякое расположеніе къ трудолюбію, отняло охоту къ дѣятельности и сдѣлало его аскетомъ, отшельникомъ, существомъ, отрѣшеннымъ отъ человѣческаго общества. Шура была истинною Фиваидою, гдѣ нѣсколько человѣкъ, умѣвшихъ жить съ Аѳанасіемъ Карлинскимъ, составляли для него все общество. Онъ привыкъ къ этимъ товарищамъ, но охладѣвшее сердце его уже не нуждалось въ нихъ до такой степени, чтобы способно было скорбѣть о ихъ потерѣ или рѣшиться для нихъ на какую-нибудь жертву. Понятіе о жизни было у него свое собственное, неизмѣнное, а вѣра столь глубокая, что даже на могилѣ друга онъ не могъ плакать и говорилъ только: «До свиданія!»

Но, несмотря на такое мистически-религіозное настроеніе, несмотря на самую глубокую вѣру и пламенную набожность, Аѳанасій Карлинскій имѣлъ одну, общую всѣмъ людямъ, слабость, такъ какъ нельзя назвать этого иначе, именно: онъ вѣ-

рилъ въ аристократію, въ ея особенное назначеніе на землѣ и плакалъ надъ ея упадкомъ. Умершихъ предковъ онъ уважалъ почти наравнѣ со святыми, а текущую въ своихъ жилахъ кровь считалъ драгоцѣннѣйшимъ наслѣдіемъ. Когда домашній ксендзъ его, Мирейко—происхожденіемъ жмудинъ, опровергалъ подобное понятіе, Аѳанасій, въ оправданіе свое, приводилъ мѣста изъ Св. Писанія, гдѣ говорится, что Богъ всегда избиралъ извѣстные роды для высшихъ цѣлей и управленія народомъ, изливалъ на нихъ особенные дары, награждалъ способностями, сообщалъ имъ яснѣйшее познаніе современныхъ потребностей, вручалъ имъ кормило правленія и назначалъ руководителями мыслей и духа народнаго. Изъ этого Аѳанасій выводилъ законность и пользу аристократіи вообще, ея необходимое существованіе въ каждомъ организованномъ обществѣ, и приписывалъ ей, сообразно своимъ понятіямъ, какъ-бы религіозное происхожденіе. Но подобныя понятія не ослѣпляли его до того, чтобы онъ не сознавалъ упадка современной аристократіи. Карлинскій объяснялъ это обстоятельство только тѣмъ, что аристократія уклонилась отъ своего назначенія, увѣровала въ тѣло, употребила Божьи дары для себя и для собственныхъ удовольствій, и Богъ наказалъ ее униженіемъ, потерю силы и вліянія. Онъ доказывалъ, что и шляхта была также чѣмъ-то въ родѣ избраннаго сословія; богатство и значеніе, фамилія и соединенныя съ нею привилегіи были какъ-бы завѣтомъ довѣренности со стороны Бога—не для собственной пользы людей, кому давались онѣ, а для всеобщаго блага. Коль скоро невѣрные приставники надъ сокровищами обратили ихъ на самолюбивое удовлетвореніе своихъ потребностей, Духъ Божій отступился отъ нихъ, благословеніе перестало почивать на главахъ ихъ, и люди, бывшіе прежде честью народа, сдѣлались его посмѣшищемъ. Вся жизнь Карлинскаго основывалась на изложенныхъ правилахъ, т. е. на глубокой вѣрѣ въ безсмертіе и на уваженіи себя, какъ потомка поколѣній, предназначенныхъ промысломъ для великихъ дѣяній. Теперь, онъ какъ-бы кааялся и молился за грѣхи прадѣдовъ, сидя въ уединеніи, оплакивая упадокъ не только своей фамиліи, но и всѣхъ подобныхъ ей, бесполезно гніющихъ въ самолюбіи, развратѣ, и забывающихъ, что вожди народа обязаны, главнымъ образомъ, жертвовать собою за ближнихъ.

Юліанъ, предвидя, какимъ страннымъ долженъ показаться Алексѣю его дядя, старался приготовить друга къ первой встрѣчѣ съ нимъ, рассказывая то, что мы повторили здѣсь. Они оба не замѣтили, какъ по самымъ дурнымъ дорогамъ миновали длинную цѣпь лѣсовъ и въѣхали въ аллею изъ старыхъ липъ, за которою, впрочемъ, еще нельзя было видѣть дома. По обѣимъ сторонамъ аллеи лежали поля, пересѣкаемые лугами, кустарниками, болотами. Надъ Шурою царствовала глубокая, таинственная тишина пустыни, прерываемая только щебетаньемъ птицъ и далекими голосами стада. Въ аллеѣ, подъ пнями липъ, лежали первые желтые листья—предвѣстники наступавшей осени; песчаная дорога прорѣзана была только двумя или тремя колеями. Юліанъ и Алексѣй взглянули другъ на друга и вышли изъ экипажа, дабы идти во дворъ пѣшкомъ, потому что для прогулки было самое прекрасное время. Друзья шли въ задумчивости до тѣхъ поръ, пока не показались передній дворъ, домъ и окружающія его ольхи, клены, пруды, зеленые тополи и пихты. Мѣстность была печальная, чѣмъ-то могильнымъ вѣяло отъ нея, но вѣстѣ очень замѣтно было и господствовавшее тамъ спокойствіе. Перейдя по старому длинному мосту главный каналъ, друзья прежде всего увидѣли на правой сторонѣ деревянную часовню древней архитектуры, черный крестъ которой возвышался надъ окружающими строениями и деревьями; снаружки не было никакихъ украшеній, только двѣ ивы росли у ея входа, а у пней ихъ стояла большая и тяжелая дубовая скамейка, къ которой вела дорожка, протоптанная чрезъ поросшій травой дворъ. Прямо стоялъ обширный и запущенный домъ. Нѣсколько трубъ возшались на кровлѣ, но, много лѣтъ небѣленыя, онѣ почернѣли отъ дыму. Массы деревьевъ за домомъ указывали на обширный, но запущенный садъ.

Направо находились не оштукатуренныя и довольно некрасивыя конюшни; налѣво—длинный флигель, повидимому, немного моложе самаго дома. Войдя на дворъ, Юліанъ и Алексѣй напрасно оглядывались во всѣ стороны — не выйдетъ ли кто встрѣтить ихъ: вездѣ и все было мертво, какъ въ заколдованномъ замкѣ. Они перешли передній дворъ, поднялись на крыльцо, вошли въ сѣни, и никто не вышелъ навстрѣчу, хотя

сильно загремѣвшая на мосту повозка и конскій топотъ, раздававшійся по двору, легко могли бы разбудить спавшихъ или спрятавшихся по угламъ жителей.

Пройдя совершенно пустыя сѣни, гдѣ, можетъ быть, столѣтъ ничего не измѣнялось, гдѣ слышался только однообразный ходъ часовъ, гдѣ на стѣнахъ висѣло нѣсколько огромныхъ картинъ изъ священной исторіи, а на полу стояли окрашенные масляною краскою сундуки, служившіе складочнымъ мѣстомъ постелей и кроватей, Юліанъ и Алексѣй вошли, наконецъ, въ огромную залу, довольно темную и угрюмую, но поражающую величіемъ, которое сообщали ей стѣны, увѣшанныя безчисленнымъ множествомъ фамилльных портретовъ. Очень немногіе изъ нихъ отличались достоинствомъ кисти, но зато они были замѣчательны тѣмъ, что удачно изображали характеры, какими отличались эти молчаливые тѣни прадѣдовъ.

Вѣроятно, большая часть живописцевъ, повторившихъ черты ихъ на полотнѣ, вовсе не думали о сообщеніи имъ преднамѣреннаго характера; онъ часто выражался помимо ихъ воли, всплывалъ наверхъ вслѣдствіе неспособности художника, и увѣличивалъ старанія бездарнаго артиста. Мрачныя лица и полустертыя отъ пыли и сырости черты ясно показывали мужей, носившихъ на себѣ огромную тяжесть общественныхъ обязанностей, и вмѣстѣ выражали, что они не любили прихотей и бездѣйствія; ихъ лица говорили не объ утонченной цивилизации, не о блестящихъ формахъ, но о важныхъ заслугахъ и добродѣтели. Даже эмблемы портретовъ были не пустыя бездѣлушки, а булавы, сабли, епископскіе жезлы и посохи, какъ-бы говорившіе вамъ о подвигахъ и самоотверженіи этихъ людей для общаго блага. Въ рукахъ женщинъ находились книги, четки, цвѣты, дѣти—все, что можетъ и обязана носить женщина. Портреты древнѣйшей эпохи представляли людей полудикихъ, проводившихъ жизнь болѣе на войнахъ, нежели въ присутственныхъ мѣстахъ. По мѣрѣ приближенія въ нашимъ временамъ, лица становятся веселѣе, одежды великолѣпнѣе, цвѣтъ тѣла яснѣе, на устахъ болѣе веселая улыбка, а на самомъ концѣ—измѣненные костюмы, переродившіяся черты, пудра и парики ясно рассказывали исторію фамиліи и нѣкоторымъ образомъ даже государства... Отъ медвѣжьихъ епанчей и же-

лѣзныхъ панцирей, до кружевъ и брильянтовъ—какое огромное пространство!

— Пойдемъ къ ксенду Мирейко,—сказалъ Юліанъ.—Я немного знаю его, потому что онъ ѣздитъ къ намъ со святыми дарами. Онъ долженъ быть дома; сколько помню, его квартира въ углу флигеля.

Они вышли изъ залы и черезъ передній дворъ, гдѣ не было еще ни одной живой души, направились въ уголь флигеля. Здѣсь они въ одно время слышали щебетанье птицъ въ клѣткахъ и громкій напѣвъ, раздававшійся со стороны сада.

Юліанъ узналъ голосъ ксендза Мирейко, а переступивъ порогъ флигеля, оба друга разслышали даже, что ксендзъ пѣлъ священные пѣсни въ честь Пресвятой Дѣвы. Въ корридорѣ напѣвъ указалъ двери, въ которыя слѣдовало имъ войти. Юліанъ постучался.

— Ну, кто же тамъ церемонится со мной? Пожалуйте, пожалуйста!

Отворивъ двери, гости вошли въ чистую, маленькую и выходившую въ садъ комнатку, гдѣ мебели было не больше, чѣмъ въ капуцинской кельѣ: кровать, покрытая толстымъ сукномъ, около нея столикъ, на столикѣ требникъ, коробочка съ облатками и клѣтчатый платокъ съ табакеркою; близъ окна другой столикъ и на немъ очки съ календаремъ и святцами; на стѣнѣ образъ Іисуса Христа въ дубовой рамѣ, около дверей бутылъ съ водою и пивная бутылка. Ксендзъ сидѣлъ на самой серединѣ и, устроивъ между двухъ стульевъ нѣчто въ родѣ кресель, плелъ монашескій поясъ. Это былъ человѣкъ съ веселымъ лицомъ, темнорусый, съ просѣдою, съ рѣдкою и короткою бородкою, съ быстрыми сѣрыми глазами, сильный, здоровый. Онъ былъ весь въ поту, потому что день былъ жаркій; ксендзъ сидѣлъ съ раскраснѣвшимся лицомъ, а на устахъ его блуждала невинная и чистосердечная улыбка. Довольно было взглянуть на этого монаха, чтобы полюбить его и убѣдиться, что сердце его дышетъ евангельскою любовью.

— Ого!—воскликнулъ онъ, бросивъ коклюшки, упавшія со стула. Вотъ дорогой-то гость! Когда же вы прибыли? откуда? какъ?..

Юліанъ представилъ ему Алексѣя.

— Прошу покорно, прошу покорно! — отвѣчалъ монахъ,

обнимаю того и другого. — Садитесь, если найдется на чемъ, потому что я здѣсь не разсчитываю на гостей. Ахъ, право, и сѣсть-то почти не на чемъ... Но откуда вы прибыли?

— Прямо изъ дому. Но у васъ въ здѣшнемъ монастырѣ нѣтъ ни одной живой души. Если бы вы, святой отецъ, не пѣли и ваши птицы не щебетали, то мы не услышали бы живого голоса.

— Пана Хорунжича вы не нашли еще?

— Нѣтъ, ни одной души не встрѣтили, и перваго васъ имѣемъ удовольствіе видѣть.

— Ну, видно, всѣ разбрелись по разнымъ мѣстамъ, — сказалъ ксендзъ, подавая гостямъ стулья и убирая свои кресла. — Панъ, Хорунжичъ, вѣрно, въ часовнѣ, либо зачитался... Хоть бы пани Гончаревская взглянула на дворъ и послала кого-нибудь для встрѣчи гостей... Должно быть, уснула бѣдная... Ха, ха, ха! — разсмѣялся ксендзъ Мирейко. — У насъ всегда такъ: приди чужой человѣкъ — долженъ сперва досыта находиться, чтобы найти живого человѣка... Монастырь, ясновельможный панъ, настоящій монастырь!.. Но зато, вдали отъ свѣта съ его суетами, мы живемъ здѣсь точно у Христа за пазухой.

— Здоровъ ли дядюшка?

— Какъ рыба, скажу вамъ; да и съ чего ему хворать? Онъ не грѣшитъ никакимъ излишествомъ, развѣ одною горячею ревностью къ молитвѣ, но это не вредитъ здоровью... Наша жизнь идетъ регулярно, какъ часы, ни въ чемъ нѣтъ у насъ недостатка, печали не заходятъ въ Шурю — и мы всѣ, благодаря Бога, здоровехоньки!

Договаривая эти слова, ксендзъ Мирейко потеръ руки и поднялъ ихъ вверхъ, какъ бы радуясь своему положенію и благодаря за него Бога. Но вдругъ отворились двери, и въ комнату вошла пани Гончаревская, служившая здѣсь экономкою. Это была уже очень немолодая женщина, сухая, желтая, одѣтая просто, съ огромною связкою ключей у пояса, въ бѣломъ чепцѣ, обшитомъ свѣжими кружевами и сдѣланномъ на такой манеръ, который ясно говорилъ, что въ Шурѣ вовсе не заботятся о модѣ. Важною и суровою миною она хотѣла показать себя очень хорошо воспитанною женщиной; ея обхождение было почти аристократическое и, несмотря на бѣдный

костюмъ, она хотѣла даже играть здѣсь роль хозяйки. Подъ ледяною и суровою наружностью ея билось добрейшее сердце; но она такъ строго слѣдовала понятіямъ и требованіямъ свѣта, что никогда не обнаруживала своихъ чувствъ.

Ксендзь Мирейко, вовсе не заботясь о приличіяхъ, потому что главную цѣль его составляло душевное спокойствіе, и несмотря на строгую взыскательность пани Гончаревской, всталъ съ кровати, на которой сидѣлъ, и воскликнулъ:

— *Notrendum!* Пани Гончаревская у меня! Хорошее ли дѣло нападать на келью беззащитнаго капуцина?

Экономка бросила на него самый суровый взглядъ.

— Ей Богу, — прибавилъ ксендзь Мирейко, — пожалуюсь пану Хорунжичу. Прекрасно! Вы компрометируете меня въ глазахъ гостей и пришли сюда, вѣрно, не зная о ихъ пріѣздѣ...

— Оставьте ваши неумѣстные шутки, святой отецъ! — сказала, уже не шутя, обиженная пани Гончаревская. — Пожалуйста въ комнаты, дорогіе гости!.. Можетъ быть, угодно чего нибудь съ дороги?

— Признаюсь — мы довольно голодны, — сказалъ Юліанъ.

— Пожалуйста-же въ залу; я сію минуту подамъ кофе и приготавлию обѣдъ.

— Очень пріятно слышать о кофе; это прекрасный напитокъ! — произнесъ ксендзь Мирейко, громко кашляя и давая тѣмъ понять, чтобы и на его долю не забыли приготовить.

Экономка сдѣлала гостямъ поклонъ, бывший въ модѣ во времена княгини предводительши, проворно простилась съ ними, погрозила капуцину и вышла. Но за дверьми она громко вскрикнула, и вскорѣ вошелъ въ комнату, съ улыбкою на устахъ, весьма оригинальный молодой человѣкъ огромнаго роста, съ густыми усами и бакенбардами темноорѣховаго цвѣта, съ черными и блестящими глазами, съ необыкновенными, хотя и не слишкомъ красивыми чертами лица. Высокій лобъ и орлиный носъ сообщали пришельцу одну изъ тѣхъ фizioномій, какія мы чаще встрѣчаемъ на картинахъ, чѣмъ въ жизни. Въ ней отражались какая-то сила, смѣлость, независимость, разумъ и вмѣстѣ вдохновеніе. Несмотря на бѣдный костюмъ, потому что онъ былъ одѣтъ въ худой чепанъ сѣраго цвѣта, брюки носилъ въ сапогахъ и былъ безъ галстука, — осанка и поднятая вверхъ

голова, обнаруживали въ немъ человѣка, не привыкшаго подчиняться приказаніямъ и жившаго въ совершенной свободѣ. Бѣлыя руки и незагорѣлое лицо показывали, что онъ не имѣлъ нужды трудиться и велъ жизнь независимую. Неглижируя наружностью, онъ рѣзко похожъ былъ на пана, а уединенная жизнь въ здѣшней пустынѣ, гдѣ не предстояло надобности принаравливаться къ людямъ и нравиться постороннимъ, сообщила его жестамъ и выраженію лица что-то дико свободное, такъ что въ этомъ человѣкѣ живо отражалось каждое внутреннее движеніе.

Капуцинъ и Юліанъ взглянули на новоприбывшаго и первый изъ нихъ воскликнулъ:

— Вотъ, понемногу, и всѣ мы собираемся въ кучу!

Юліанъ фамиллярно подалъ руку новому гостю, какъ хорошему знакомому; но гость, не сказавъ ни слова, проворно сѣлъ на узкую кровать ксендза Мирейко.

Алексѣй и незнакомецъ оглядывали другъ друга. Капуцинъ, желая поправить разсѣянность Юліана, сказалъ имъ:

— Позвольте познакомить васъ—панъ Юстинъ Поддубинецъ, панъ Алексѣй Дробицкій—другъ нашего пана Юліана.

Не привыкнувъ къ вѣжливости, Юстинъ только протянулъ свою руку, крѣпко пожавъ поданную руку Алексѣя и, устремивъ на него глаза, бинять сѣлъ на кровать.

— А что, панъ Юстинъ, кажется, вы испугали пани Гончаревскую? — спросилъ ксендзъ. — Несчастный день для нея сегодня: я взбѣсилъ ее шутками, а вы, по привычкѣ ходить повѣся носъ, должно быть, изрядно толкнули ее.

— Какъ хорошо вы знаете людей и умѣете по характеру угадывать, кто къ чему способенъ!.. Мы, дѣйствительно, въ дверяхъ ударились головами, и мнѣ достался порядочный щелчокъ...

— И, вѣрно, пани Гончаревская порядкомъ отдѣлала васъ?

— Да, нечего сказать. Если бы не ея воспитаніе, то, можетъ быть, я получилъ бы даже оплеуху,—разсмѣялся Поддубинецъ.

— Однако, мы сидимъ здѣсь да толкуемъ,—прервалъ ксендзъ Мирейко,—а тамъ, пожалуй, кофе совсѣмъ остынетъ. Пойдемте въ барскій домъ. Притомъ здѣсь тѣсно для такой компаніи. Не знаете ли, панъ Юстинъ, гдѣ панъ Хорунжичъ?

— Не знаю. Онъ взялъ палку, соломенную шляпу, книгу подъ мышку и пошелъ въ лѣсъ.

— Ну, такъ до сумерекъ не ждите его!—проговорилъ капуцинъ, махнувъ рукою.—Впрочемъ, кофе безъ него и онъ безъ кофе легко обойдется.

Съ этими словами всѣ вышли и, когда ксендзъ Мирейко заперъ на ключъ свою квартиру, вѣроятно, заботясь о цѣлости своего пояса и коклюшекъ, тихо направились къ барскому дому.

Здѣсь не было еще ни малѣйшаго движенія; только изъ комнаты пани Гончаревской, чрезъ отворенныя двери, слышались отчаянныя восклицанія:

— О, я несчастная! Ни одной души! Ну, я впередъ знала это! Вѣдь у насъ всегда такъ бываетъ:—когда нужно, всѣ разбѣгутся! Ужъ не приведи Богъ жить съ такою прислугою,—осрамятъ каждый благородный домъ... Посторонніе люди подумаютъ, что мы не умѣемъ жить! Ни одного! И подать, и накрыть некому! Господи Боже! Истинно мученье!

Такое великое огорченіе пани Гончаревской разсмѣшило капуцина. Всѣ вошли въ залу и засѣли вокругъ стола, ожидая обѣщаннаго кофе. Всѣ чувствовали необходимость развлечься пока разговоромъ; но онъ, какъ на зло, не клеился.

Гости мѣнялись съ капуциномъ вопросами о разныхъ предметахъ, а Юстинъ, развалившись на диванѣ и опустивъ голову на руки, погрузился въ глубокую задумчивость. Ксендзъ нѣсколько разъ прошелся мимо него, наконецъ, пожавъ плечами, воскликнулъ:

— Позвольте разбудить васъ.

Юстинъ разсмѣялся, и если-бы въ это время не вошла пани Гончаревская, можетъ быть, пустился-бы въ большія разсужденія съ ксендзомъ. Но экономка въ самую пору явилась на порогъ, съ багдадскимъ платкомъ на шеѣ, надѣтымъ очевидно для гостей, и въ чепцѣ. За нею шелъ заспанный слуга; онъ несъ въ рукахъ поднось, а подъ мышкою держалъ скатерть, и поспѣшность его ясно показывала, что ему досталось хорошее наставленіе.

Пройдя скорыми шагами черезъ комнату, повеселѣвшая Гончаревская сѣла близъ гостей и, потирая руки, начала разспрашивать о Карлинѣ и его обитателяхъ.

— А кофе-то стынетъ!—замѣтилъ ксендзъ Мирейко, — и гости все еще голодны. Если Господь послалъ на столъ такой

милый напитокъ съ хорошенькими сухарями, то прошу васъ, пани, не искушайте нашего терпѣнія.

Пани Гончаревская принялась разливать кофе, всѣ подвинулись къ століку; но въ эту минуту, со стороны сада, послышались тихіе шаги, направлявшіеся прямо въ залу. Всѣ оглянулись въ ту сторону и увидѣли на порогѣ мужчину высокаго роста, худощаваго, въ соломенной шляпѣ на головѣ, съ суковатою палкою въ рукахъ и большою книгою подъ мышками. Это былъ панъ Аѳанасій Карлинскій.

VII.

Представьте себѣ пуританина, времянь религіозныхъ преобразованій въ Англіи, суроваго, съ блѣднымъ лицомъ, съ потухшимъ взоромъ, а иногда горѣвшимъ огнемъ аскетизма, и вообще съ наружностью, на которой рѣзко запечатлѣлась жизнь, проводимая въ размышленіяхъ и самоотверженіи, жизнь духа, усиливающагося ослабить и покорить себѣ тѣло; именно такимъ былъ и Аѳанасій Карлинскій. Величіе его фигуры происхо дило изъ двухъ источниковъ: оно порождалось набожностью и вмѣстѣ съ тѣмъ родою - гордостью, прогядывавшею даже сквозь власяницу кающагося грѣшника. Этотъ человѣкъ только одною слабостью оставался человѣкомъ: на развалинахъ страстей, на пепелищѣ чувствъ его, стояла одна гордость. Набожность все обратила у него въ пепелъ, но гордости не могла поколебать, а тѣмъ болѣе разрушить.

Его лицо преждевременно одряхлѣвшаго старца, безцвѣтное, покрытое морщинами, суровое и задумчивое, носило на себѣ выраженіе мрачное, строгое, неумолимое и, какъ у людей, привыкшихъ углубляться въ самихъ себя, даже приняло характеръ окаменѣлости. На немъ ясно видно было, что ни одна земная горестъ не возмущала спокойствія души, поднявшейся выше змной сферы, но и не позволяющей другой душѣ стать наравнѣ съ собою. Костюмъ пана Аѳанасія былъ самый простой деревенскій; только одинъ желѣзный крестъ, висѣвшій на груди, на черной лентѣ, и окруженный терновымъ вѣнцомъ—точь въ точь такой, какой видѣли мы вмѣстѣ съ четками у Анны, бросался въ глаза постороннему человѣку.

Погруженный въ задумчивость, хозяинъ вошелъ въ комнату съ такимъ выраженіемъ, какъ-будто никого не засталъ здѣсь. Наконецъ, пробудившись и увидя незнакомаго Алексѣя и нежданнаго Юліана, тихо снялъ съ головы шляпу, открылъ испещренную сѣдинами голову, бросилъ палку и книгу на стулъ и довольно хладнокровно поздоровался со всѣми.

При появленіи его, капуцинъ, находившійся въ самомъ веселомъ расположеніи, въ одно мгновеніе сдѣлался серьезенъ, экономка выпрямилась какъ струна, а Юліанъ проворно поцѣловалъ его руку и представилъ Алексѣя.

Аѳанасій принялъ все это очень холодно, сѣлъ на поданный стулъ и, скрестивъ на груди руки, долго оставался безмолвнымъ, какъ-будто ему нужно было докончить прерванные размышленія прежде, нежели онъ обратится къ людямъ.

— Радуюсь, что вижу тебя, милый Юліанъ, — сказалъ онъ, спустя нѣсколько минутъ. — Ты часто приходилъ мнѣ на память... Намъ нужно много поговорить... Много... Я чувствовалъ, что ты пріѣдешь, и готовился къ твоей встрѣчѣ... Отдохни... Но я скоро не отпущу тебя... На мнѣ лежатъ строгія и важныя обязанности въ отношеніи тебя...

Юліанъ покраснѣлъ. Старикъ замолчалъ и потупилъ голову. Всѣ гости, изъ уваженія къ задумчивости старца, также молчали. Наконецъ Аѳанасій вздохнулъ, взялъ палку и книгу и, не взглянувъ на своихъ гостей, удалился въ другія комнаты.

— Панъ Хорунжичъ что-то печаленъ, — произнесъ капуцинъ. — Видно попалъ на какой-нибудь крѣпкій философскій орѣхъ... Право, исключая катехизиса, требника и еще двухъ томовъ, я бы сжегъ у него всѣ остальные книги, — прибавилъ онъ съ простодушною улыбкою. — Подобныя книги, какъ бы ни были хороши, только кружатъ людямъ головы... Вотъ и пану Хорунжичу слѣдовало бы только молиться да жить спокойно, вовсе не заботясь о томъ: кто, гдѣ и какъ именно провернулъ новую дыру своимъ разумомъ... Такъ нѣтъ!..

— Вы любите порицать то, что должно хвалить, — отзывался Юстинъ. — Что же онъ сталъ бы дѣлать? Охотиться или играть въ карты? На подобныя вещи и безъ него много охотниковъ.

— Хвалить Господа Бога! — воскликнул капуцинъ, — вотъ что! Право, это было бы несравненно лучше, нежели мучить себя разборомъ ничтожныхъ выдумокъ человѣческаго разума.

Юстинъ пожалъ плечами и сказалъ:

— Святой отецъ! Каждый человѣкъ имѣетъ свое: одинъ хромаетъ, но силенъ въ рукахъ; другой тугъ на ухо, зато быстрымъ взглядомъ видитъ далеко; одному Богъ даетъ хороший желудокъ, другому чувствительное сердце; въ великомъ хорѣ одинъ изъ насъ рычитъ басомъ, другой поетъ дискантомъ... И это хорошо... Невозможно всѣхъ запретить въ одну и ту же работу.

— Вотъ сказалъ новость! — сердито отвѣчалъ капуцинъ, взявъ уже четвертый сухарикъ, на что пани Гончаревская смотрѣла со страхомъ. — По человѣчески такъ, а по Божьему — всѣ мы и руками, и ногами, и глазами, и носами должны дѣлать одно: возноситься на небо!

— Не спорю; но я надѣюсь, что и нашъ панъ стремится не въ другое мѣсто.

— Правда, только вмѣсто того, чтобы избрать себѣ прямую дорогу, онъ блуждаетъ по лабиринту, желая руководствоваться человѣческимъ разумомъ, и похожъ въ этомъ случаѣ на человека, который среди бѣлаго дня, закрывшись отъ солнца, ходитъ съ фонаремъ.

— Ого! — прервалъ вошедшій панъ Аѳанасій, — вѣрно ксендзь Мирейко разсуждаетъ тутъ обо мнѣ?

— Конечно, — возразилъ, нисколько не смѣшавшись, капуцинъ. — Вы дѣлаете свое, я говорю свое... между тѣмъ, вотъ и муху поймалъ въ кофе; одной дармоѣдкой будетъ меньше на свѣтѣ.

Старикъ, сдѣлавшись какъ-будто веселѣе, сѣлъ близъ Юліана и началъ всматриваться въ его лицо, потомъ тихо взялъ племянника за руку, слезы навернулись на глазахъ его — и онъ отвелъ Юліана въ портретную залу.

— Кого это ты привезъ мнѣ съ собою, — спросилъ Аѳанасій. — Лицо благородное, энергическое, но въ немъ есть что-то простонародное.

— Хорошій мой товарищъ и другъ, — отвѣчалъ Юліанъ. — Такой-же шляхтичъ, какъ и мы.

— Какъ и мы? — потворилъ старикъ съ видомъ удивленія, — какъ и мы?

Юліанъ улыбнулся.

— Ты еще молодъ! — проговорилъ, будто про себя, Аѳанасій. — Но если онъ удостоился чести быть твоимъ другомъ, — мнѣ довольно этого, чтобы счесть за человѣка стоящаго. Хотя сколько-нибудь вы оживите мое одиночество. Я не жалую людей, мало люблю ихъ; но если Богъ пошлетъ мнѣ такихъ, какихъ вижу теперь, то иногда мнѣ будетъ пріятно поговорить съ ними, потому что запертая внутри мысль дѣлается слишкомъ сильною и просится вонъ.

Старикъ молча поцѣловалъ въ голову Юліана и благословилъ его. Слезы опять навернулись на глазахъ его.

Сидѣвшіе въ смежной комнатѣ гости не смѣли прерывать разговора Аѳанасія съ племянникомъ. А такъ какъ въ это время кофе былъ уже конченъ, то пани Гончаревская немедленно отправилась къ своимъ занятіямъ, почти вслѣдъ за нею вышелъ и ксендзъ Мирейко, для исполненія вечернихъ молитвъ, и остались только Алексій съ Юстиномъ.

Молодые люди скоро сошлись другъ съ другомъ, такъ какъ Дробицкій слишкомъ интересовался новымъ товарищемъ, нечаянно найдя подъ самую простую его наружностью необыкновеннаго человѣка.

Юстинъ Поддубинецъ, никому положительно неизвѣстный своимъ происхожденіемъ, почти съ малолѣтства взятъ былъ паномъ Аѳанасіемъ на воспитаніе, на его счетъ кончилъ курсъ въ университетѣ и даже вояжировалъ за границей. Заботливость о его образованіи не была напрасна, — Юстинъ учился усердно и приобрѣлъ много познаній. Но, къ несчастію, вслѣдствіе ли вліянія своего опекуна, или по собственному настроенію, способный ко всему — онъ не выбралъ себѣ никакого занятія. Природа создала Юстина поэтомъ, онъ внималъ ея голосу и сталъ поэтомъ — только по-своему и оригинальнымъ образомъ. Если бы онъ родился на тысячу лѣтъ раньше, то, по всей вѣроятности, съ арфою въ рукахъ, ходилъ бы отъ хижины къ хижинѣ, воспѣвая древнія дѣянія, мечтая, прислушиваясь къ тысячеголосному хору мірозданія и умеръ бы гдѣ-нибудь на могилѣ, съ послѣднею пѣснью къ заходящему солнцу.

А теперь онъ жилъ немного иначе: читалъ, писалъ, избѣгалъ людей, размышлялъ, мечталъ и до такой степени былъ равнодушенъ къ своей будущности, такъ мало заботился о славѣ, что какъ будто ни въ чемъ больше не нуждался, кромѣ того, что получилъ отъ Бога.

Юстинъ не домогался даже сочувствія и похвалъ, какими живутъ обыкновенные писатели, читалъ только лишь по необходимости и ничѣмъ не хвалился. Впечатлительный, какъ дитя, онъ, для прекрасной картины, для хорошей пѣсни, изъ-за новаго вида, бросалъ и забывалъ всѣхъ, и не одинъ разъ приходилось отыскивать его по окрестностямъ, точно заблудившагося коня, и приводить назадъ въ Шуру. Онъ никогда не жаловался на горести и отличался отъ обыкновенныхъ поэтовъ, безпрестанно воспѣвающихъ свои несчастія и страданія, тѣмъ, что, нисколько не тяготясь настоящимъ, находилъ полное вознагражденіе за все въ божественномъ дарѣ—этой искрѣ святого огня, горѣвшаго въ груди его.

Сколько разъ, найдя въ книгѣ или пѣснѣ нареканіе на свѣтъ и на людей, особенно на бѣдность и недостатки, молодой человѣкъ воспламенялся сильнымъ гнѣвомъ и восклицалъ въ восторгѣ:

— Это не поэты!.. Презируютъ міръ, а желаютъ благъ его, попираютъ золото и, какъ нищіе, просятъ его,—жалуются и страдаютъ, тогда какъ обязаны благодарственнымъ гимномъ славословить Бога за свѣтлый вѣнецъ, возложенный на главы ихъ. Они не поэты, а фарисеи, обезьяны! Иначе они не смѣли бы произносить такихъ нареканій, не требовали бы отъ міра того, что обязаны попирать ногами!.. Поэтъ ни въ чемъ не можетъ завидовать людямъ: онъ стоитъ несравненно выше ихъ, несравненно больше ихъ чувствуетъ и видитъ... Вѣчная одежда его, сотканная изъ свѣта, прекраснѣе всѣхъ нарядовъ человѣческихъ, его вѣнецъ прочнѣе коронъ, а мысль и чувство, возвышаютъ его на тронъ, приближающій его къ Богу. Стоитъ ли плакать, роптать и страдать изъ-за дѣтскихъ игрушекъ, если онѣ холодны, мертвы и разсыпаются въ прахъ, лишь только возьмешь ихъ въ руки?..

Бѣдный Юстинъ! онъ такъ еще мало зналъ себя и жизнь! Подали самый скромный и простой ужинъ, потому что въ

Шурѣ вели жизнь не роскошную, а о прихотяхъ никто даже и не думалъ. Послѣ ужина панъ Аѳанасій съ Юліаномъ, Алексѣемъ, Юстиномъ и ксендзомъ Мирейко опять вошли въ портретную залу. Время было уже довольно позднее; но здѣсь часто проводили цѣлыя ночи въ молитвахъ или разговорахъ, не ограничиваясь принятымъ распределеніемъ времени. Звѣздный, прекрасный и тихій вечеръ настраивалъ къ тихой грусти, а чрезъ отворенныя двери въ садъ влеталъ шумъ старыхъ деревь вмѣстѣ съ холодомъ и благоуханіемъ ночной росы. Панъ Аѳанасій, погруженный въ задумчивость, началъ ходить по залѣ, изрѣдка бросая взгляды на племянника. Юліанъ молчалъ и съ почтительнымъ удивленіемъ глядѣлъ на старца, который, несмотря на свои странности, по силѣ своей вѣры и образу мыслей, представлялся ему выше существъ, ежедневно окружающихъ его.

Нѣсколько минутъ царствовало глубокое молчаніе. Юстинъ заглядѣлся на звѣзды, ксендзъ Мирейко игралъ своимъ поясомъ и коcosовыми четками, Алексѣй не спускалъ глазъ съ хозяина, производившаго на него такое же впечатлѣніе, какъ видъ тѣни, вставшей изъ гроба. Никто не осмѣливался, хотя-бы однимъ словомъ, прервать тишину столь же торжественную, какъ молитва. Наконецъ, панъ Аѳанасій остановился предъ Юліаномъ и спросилъ его дрожащимъ голосомъ:

— Скажи, Юліанъ, что ты думаешь дѣлать съ собою? Имѣешь ли ты какіе-нибудь планы на будущность?

— Пока не имѣю никакихъ, милый дядюшка, потому что обремененъ домашними дѣлами. Какъ главный опекунъ Анны и бѣднаго Эмилиа, убиваю все время на исполненіе обязанностей, а потому мнѣ нельзя взглянуть дальше и выше.

— Нельзя? Почему нельзя?—возразилъ панъ Аѳанасій.— Кто же тебѣ запрещаетъ? Боже мой, Боже мой! Что сдѣлалъ изъ васъ настоящій вѣкъ мелкихъ заботъ, испорченности и безумія? Обязанности, какія ты исполняешь теперь, составляютъ самую ничтожную часть тѣхъ, которыя собственно лежатъ на тебѣ. Какъ дурно вы понимаете свое предназначеніе! Сидѣть, хозяйничать, собирать деньги, жить для себя и для своихъ—это хорошо для обыкновеннаго человѣка, а не для потомка Карлинскихъ. Слѣдовательно, милый мой, и ты остаешься на той

же самой дорогѣ, по которой наша фамилія дошла до настоящаго печальнаго положенія? И ты также въ заблужденіи, какъ наши предки, какъ вообще всѣ люди?

Слезы блеснули на оживленныхъ глазахъ старца.

— Прежде всего слѣдуетъ думать о душѣ, а потомъ о себѣ и своемъ семействѣ,—спокойно продолжалъ панъ Аѳанасій.—Главный долгъ человѣка исполнить свое предназначеніе, все прочее—пустяки, ребячество. Обязанности къ людямъ, въ нравственномъ отношеніи, гораздо выше обязанностей тѣлесныхъ; но ты и домашніе твои заботитесь только о послѣднихъ и только ими ограничиваетесь. Печалюсь, страдаю и горькими слезами плачу о вашемъ моральномъ упадкѣ. Какъ лавочники и купцы, вы ломаете свои головы только надъ тѣмъ, какъ бы поправить имѣнье и нажить денегъ. Ослѣпленные жаждою корысти, вы совершенно забыли, что имя, знатность и просвѣщеніе—суть дары, обязывающіе васъ къ чему-то высшему. Что вы дѣлаете? Веселитесь, скучаете, зѣваете, жаждете того, что никогда не напоить васъ, и напрасно убиваете время, тогда какъ, по словамъ Іисуса Христа, вы должны будете отдать въ немъ самый строгій отчетъ.

Юліанъ съ любопытствомъ глядѣлъ на старца, но не смѣлъ отвѣчать ему, потому что чувствовалъ и справедливость сказанныхъ упрековъ, и собственное безсиліе.

— Если бы о подобныхъ вещахъ говорилъ я съ каведры,—прервалъ ксендзъ Мирейко, громко нюхая табакъ,—это было бы прекрасно и умѣстно; но вмѣшиваться въ мои привилегіи вамъ, панъ Хорунжичъ, право, не годится.

— Мы всѣ ксендзы!—важно сказалъ Карлинскій, отклоняя шутливое направленіе, какое капуцинъ хотѣлъ придать разговору.—Всѣ мы въ одинаковой степени обязаны говорить правду и заботиться о благѣ ближняго.

— Всѣ ксендзы?—съ видомъ изумленія воскликнулъ ксендзъ Мирейко. Это нѣчто новое... Право, это отзывается безбожіемъ!

— Люди, богатые великими примѣрами и славою своихъ предковъ, по преимуществу обязаны,—продолжалъ старикъ, не обращая вниманія на ксендза,—носить на себѣ важнѣйшія, въ сравненіи съ другими, обязанности—не земныя, разумѣется, а духовныя. Знаешь ли ты исторію своей фамиліи?—спросилъ

онъ, подойдя ближе къ племяннику.—Не рассказывалъ-ли я когда-нибудь тебѣ о ней?

— Знаю, но не подробно,—отвѣчалъ Юліанъ.

— Смотри! вотъ—они живые передъ тобою!—подхватилъ хозяинъ, воодушевляясь и указывая дрожащею рукою на развѣшанные по стѣнамъ портреты.—Склони голову предъ героями, помолись за грѣшныхъ, пожалѣй о заблудшихъ и научись—что долженъ ты дѣлать. Господь Богъ ничего не далъ намъ даромъ или для одной только забавы; наши предки—это священное наслѣдіе, это долгъ, который обязаны мы уплатить сыновьямъ своимъ; но кто теперь изъ равныхъ намъ понимаетъ свои обязанности такъ, какъ понимали ихъ прежде? Никто! рѣшительно никто! Мы постоянно идемъ къ ослѣпленію и гибели... Кто не трудится рукою, у того бесполезная рука засыхаетъ; кто не дѣйствуетъ духомъ, отъ того отступается духъ Божій! Все на свѣтѣ имѣетъ свое значеніе, ничто не существуетъ для пустой забавы. Человѣческія учрежденія представляются намъ человѣческими только съ земной точки зрѣнія, но во всемъ находится перстъ Божій. Посмотри, Юліанъ,—прибавилъ старецъ,—до какой степени унизились Карлинскіе! Они стали сельскими хозяевами, земледѣльцами, юристами, какими-то куклами, стремящимися къ пустымъ удовольствіямъ... Потомъ еще болѣе унизятся, обѣднѣютъ, сдѣлаются посмѣшищемъ всѣхъ и совершенно исчезнутъ. Но это удѣлъ не однихъ насъ, а, кажется, всей людской аристократіи. Возлѣ насъ возникаютъ новые люди—сѣмя будущности; а мы, старцы, за то, что забыли преданія и заповѣди Божія, должны сойти со сцены, оставить поприще дѣйствія, сдѣлаться погонщиками и обозною прислугою, питаюсь грабежомъ и обдирая трупы убитыхъ на полѣ чести. Послушай—чѣмъ мы были. Вѣроятно, никто не говорилъ тебѣ о предкахъ, и я своимъ рассказомъ о нихъ не гордость хочу внушить тебѣ, потому что гордость—чувство дьявольское и самое вредное, но хочу пристыдить тебя, изобразивъ теперешнее наше ничтожество. Взгляни на это суровое, почти дикое лицо, со шрамомъ на лбу, въ красной, какъ кровь, одеждѣ и въ тяжеломъ вооруженіи; на немъ нѣтъ слѣдовъ нѣжности, деликатности или преступнаго празднолюбія. Этотъ человѣкъ представляется намъ

непривлекательнымъ, потому что мы не можемъ понять красоты его. Но всмотрись внимательно въ его обликъ, разсмотри черты лица, обсуди жизнь, и его черты, обозначенныя сильною волею и непреклоннымъ характеромъ, поразятъ твои глаза ослѣпительнымъ блескомъ. Это—Григорій изъ Карлина, первый предокъ, о которомъ мы имѣемъ уже достовѣрныя свѣдѣнія. Отъ него-то именно насъ прозвали *Шейными*, въ память благородной раны, полученной имъ въ шею. Григорій былъ братомъ Авраама, родоначальника линіи Касперовыхъ-Карлинскихъ, а наша, какъ старшая, называется линіей Остоитовъ. Григорій и Авраамъ родились во времена Ягеллоновъ, отъ потомка славнаго Остои, котораго мечъ, еще со временъ Болеслава, стоитъ въ нашемъ гербѣ между двумя лунами. Ничего не скажу объ Авраамѣ, хотя и имъ, по всей справедливости, мы должны бы гордиться. Григорій принадлежалъ къ числу героевъ, которые, противоборствуя остаткамъ уже остановленной, но еще не побѣжденной орды татарской, сражались за спокойствіе Европы. О, какую жестокою неблагодарностью заплатила исторія племенамъ славянскимъ! Взгляни въ ученые труды западныхъ историковъ: какъ тамъ представлены эти народы?.. Судьбы человѣчества, по словамъ ихъ, всегда находились въ рукахъ племенъ романо-германскихъ, а мы названы бесполезными, несамостоятельными, варварскими толпами, безъ малѣйшаго значенія въ исторіи, безъ роли и предназначенія—собственно за то, что вмѣстѣ съ Западомъ не участвовали въ крестовыхъ походахъ, что не принимали участія ни въ одномъ изъ великихъ, геройскихъ и обильныхъ послѣдствіями движеній міра и будто равнодушными глазами смотрѣли изъ-за своихъ предѣловъ на лившіяся рѣки крови и на борьбу за будущность. Эти господа забыли, что именно въ ту самую пору, во время тѣхъ самыхъ крестовыхъ походовъ, презираемыя ими славянскія племена своею грудью удержали потокъ татарскихъ ордъ, угрожавшихъ свѣту, что здѣсь, въ глухой тиши лѣсовъ, кипѣли безпрестанныя, кровавыя войны для огражденія неблагодарныхъ, которые за пролитую кровь теперь отказываютъ намъ даже въ надгробномъ памятникѣ... Бѣдные славяне! Ихъ участіе было истинною жертвою и огромно своими послѣдствіями, но его нигдѣ не

видно въ исторіи; наши начала разсѣялись по всему свѣту, а между тѣмъ нѣкоторые люди еще и теперь, прямо въ глаза, упрекаютъ насъ въ несамостоятельности. Григорій Шейный, нашъ родоначальникъ, былъ славнымъ вождемъ и воиномъ своего времени. Его-то раны выслужили намъ имя, имѣнія, славу и позднѣйшее значеніе. Григорій былъ женатъ на княжнѣ Глинской. Онъ жилъ долго, но ни одного часу не провелъ въ отдыхѣ, хорошо сознавая, что на землѣ мы не имѣемъ на него права. Двадцати лѣтъ отъ роду, Григорій сѣлъ на коня и сталъ биться съ татарами. Съ тѣхъ поръ онъ былъ дома только гостемъ, никогда не думалъ о себѣ, о хозяйствѣ, объ оставленіи сыновьямъ обширныхъ имѣній и большихъ сундуковъ золота. Въ промежутки времени между двумя походами, между двумя сеймами, между посольствомъ и сраженіемъ, онъ, по дорогѣ, иногда заѣзжалъ въ старый Карлинскій замокъ, чтобы нѣсколько часовъ побыть съ женою и дѣтьми. Нерѣдко послѣднія деньги, накопленныя женою, онъ забиралъ на потребности республики, если казна не могла покрывать всѣхъ расходовъ, и приносилъ подобныя жертвы съ такою искреннею охотою и радушіемъ, не торгуясь ни о своей крови, ни о деньгахъ, ни о награжденіи за заслуги, какъ-будто онъ былъ обязанъ за нихъ отечеству, а не отечество ему. Прочіе сослуживцы во всемъ опережали Григорія, получали староства, кресла въ сенатѣ, жезлы, булавы, но никто не превзошелъ его заслугами. Домашняя жизнь была для него, можно сказать, постороннимъ предметомъ, другою, менѣе важною, стороною жизни, второстепенною заботою; даже чувства сердца молчали въ немъ передъ голосомъ безпрестанныхъ жертвъ и самоотверженія. Изъ семидесяти слишкомъ лѣтъ своей жизни, исключая первые два десятка, едва ли онъ провелъ одинъ или два года подъ домашнею кровлею. Онъ находился вездѣ, гдѣ нужно было сражаться, разсуждать о дѣлахъ общественныхъ, платить и служить. Жена, проводя всю жизнь въ тоскѣ, воспитывала ему сыновей, заботилась о стадахъ, сбирала подати и пряла ленъ, уединенно сидя близъ очага. Если ее осиливала тоска о Григоріѣ, она должна была искать его по всему свѣту, выѣзжать къ нему навстрѣчу, ловить его по дорогамъ, либо ѣхать въ Вильну и Краковъ. Смерть Григорія

Шейнаго была столь же прекрасна, какъ и жизнь его. Уже дряхлый старикъ, онъ еще не хотѣлъ оставить службы и спокойно жить дома: самъ искалъ дѣла, начиналъ его, предлагалъ свои услуги и такъ привыкъ къ лошади, что хотя его должны были сажать и смимать съ нея, потому что самъ онъ уже не могъ почти двигаться, однако, по цѣлымъ днямъ сидѣлъ на сѣдлѣ. Въ 1575 году онъ составилъ завѣщаніе, раздѣливъ имѣнье дѣтямъ, какъ вдругъ, по пріѣздѣ его на нѣсколько часовъ въ старый Карлинъ, дали знать о вторженіи Адель-Гирея. Сосѣди начали хорониться въ лѣса; напротивъ, Григорій приказалъ какъ можно скорѣе собрать людей и, съ нѣбольшимъ числомъ солдатъ, поздно ночью полетѣлъ въ погоню за врагами. Напрасно старикъ гнался за ними день и ночь, потому что, по принятому обыкновенію, татары, захвативъ добычу и плѣнныхъ, быстро ретировались въ степи. Эта погоня чрезвычайно его истощила, а, можетъ быть, убило и горе, потому что ногайцы взяли въ плѣнъ его родственника Шумлянца. На третій день старикъ занемогъ и повисъ на сѣдлѣ; почти насильно его сняли съ лошади и, передавъ начальство другому, свезли въ одинъ домикъ близъ дороги. Григорій очень безпокоился, что дальнѣйшая погоня совершится безъ него, что ее, можетъ быть, исполнять не такъ быстро и успѣшно, какъ хотѣлось ему, но долженъ былъ подчиниться волѣ Божіей, чувствуя, что силы въ немъ совершенно истощились. Подъ чужою, бѣдною кровлею, пріобщившись Св. Тайнъ, онъ испустилъ геройскихъ духъ. Ни жена, ни дѣти не закрыли глазъ его; но онъ безъ ропота перенесъ это несчастіе и мужественно легъ на вѣчный отдыхъ. Вдова приказала перевезти его тѣло въ Карлинъ и сама шла пѣшкомъ за гробомъ. Умирая, Григорій Шейный утѣшался тѣмъ, что оставлялъ двухъ сыновей, достойныхъ его имени. Они были уже зрѣлые мужи и оба шли по дорогѣ, указанной примѣромъ родителя. Старшій изъ нихъ, Павелъ, — вотъ посмотри его: какъ двѣ капли воды — отецъ! — воскликнулъ Афанасій, указывая на другой портретъ. — Но въ этомъ лицѣ есть что-то другое, костюмъ тщательнѣе, черты болѣе нѣжны, глаза смотрять умнѣе и быстрѣе. Сквозь воинскую наружность, уже виденъ человѣкъ государственный. Ты уже догадываешься и понимаешь, что это отецъ

семейства. Около него, посмотри, младшій братъ Василій, какъ говорятъ, похожій на мать: лицо угрюмое, но характеръ въ немъ сильный; онъ весь закованъ въ желѣзо, въ правой рукѣ полковническая булава, борода до пояса, смотритъ сурово, но зато и на поляхъ битвъ своего времени, онъ сражался съ безумною отвагою. Но возвратимся къ нашему Павлу.

— Да не будетъ-ли поздно? — прервалъ ксевдъ Мирейко, поднимаясь съ мѣста.

— Нисколько! — отвѣчалъ старецъ, воспламененный разсказомъ, — но вы уже не одинъ разъ слышали отрывки о нашихъ предкахъ; кромѣ того, вамъ еще нужно прочитать молитвы и приготовиться къ обѣднѣ. Можетъ быть, и вамъ, — прибавилъ онъ, обратясь къ Алексѣю и Юстину, — уже надобно слушать стараго сказочника?

— Я готовъ слушать васъ не одну ночь, а сколько прикажете, — проворно отвѣчалъ Дробицкій.

— И я тоже, — подтвердилъ Юстинъ. — Неужели мы для сна согласимся оставить васъ?

— Милый дядюшка! — воскликнулъ Юліанъ, — не судите о насъ слишкомъ строго и не заботьтесь о нашемъ отдыхѣ; скорѣе самимъ вамъ не нужно ли отдохнуть?

Старикъ улыбулся и произнесъ:

— Ну, я ужъ отдохну въ могилѣ... О чемъ же я, однако?... Да... о Павлѣ!.. Онъ ни въ чемъ не уступалъ отцу и почти столько же трудился на служебномъ поприщѣ; но при всей готовности на жертвы, онъ уже не могъ въ такой степени забыть о себѣ, о семействѣ и частныхъ выгодахъ, какъ Григорій. Павелъ уже построилъ себѣ дома, заботился о хозяйствѣ, беспокоился о домашнемъ благосостояніи и возвышеніи своей фамиліи. Женившись на Шамотульской, онъ вышелъ изъ своего стараго гнѣзда и соединился съ фамиліей, которая, вмѣстѣ съ богатствомъ, принесла намъ роскошь.

Знаете ли, какъ жили въ старину на Руси нашей паны и князья, пока не испортило ихъ вліяніе зараженныхъ роскошью провинцій? Они жили не лучше бѣднаго шляхтича, и если отличались чѣмъ отъ шляхты, такъ единственно дворомъ, количествомъ вооруженныхъ людей, толпами бѣдныхъ, проживавшихъ на ихъ содержаніи, либо щедрою раздачею естествен-

ныхъ произведеній земли своей. Къ обѣду готовили воловъ и барановъ; но ихъ ничѣмъ не приправляли и не подавали на серебрѣ. Овчинный кожухъ, покрытый сѣрымъ сукномъ, составлялъ ежедневную одежду, а медвѣжья шуба — праздничную. Барыня пряла вмѣстѣ со своими дѣвками и сама завѣдывала кухнею, дѣти ходили босикомъ; но если республика требовала помощи, то немедленно поставляли людей и сыпали деньги побарски. Въ тѣ времена ничего не значило закабалить наслѣдственное имѣніе, чтобы платить жалованье солдатамъ, которыхъ въ военное время паны часто содержали на свой счетъ — и тотъ, кто за ужиномъ ѣлъ простой супъ съ копчеными гусяными полотками, безъ затрудненія ставилъ полкъ на собственный счетъ, ѣздилъ въ посольства, изъ своей шкатулки дѣлалъ подарки владѣтельнымъ особамъ, строилъ дворцы, давалъ великолѣпные пиры, не спрашивая о томъ, вознаградить ли его когда-нибудь республика за подобные расходы. Возвратясь домой, панъ опять надѣвалъ на себя кожухъ и съ аппетитомъ ѣлъ житную кашу. Роскошь возникла не вдругъ и не сразу, но вкрадывалась постепенно: ее принесли времена и люди, а больше всего — глупое подражанье чужеземцамъ, передъ которыми мы стыдились того, чѣмъ бы должны гордиться. Во времена Ягеллоновъ самъ король спалъ на сѣнѣ и мылся изъ мѣднаго кувшина. А при Сигизмундахъ самымъ послѣднимъ королевскимъ слугамъ запахъ сѣна былъ уже непріятенъ, а мѣдные кувшины всѣ пожертвованы были въ костелы, дабы, подъ благороднымъ предлогомъ, сбыть ихъ съ глазъ, какъ гласитъ старинная пословица: *На тобі, Боже, що мини не гоже*. Повидимому, это пустыя вещи, но, повѣрьте, совсѣмъ другой человекъ встаетъ съ сѣна, нежели съ пуховой перины. Павелъ родился въ царствованіе Сигизмунда Старого, а умеръ въ царствованіе Сигизмунда Шведа, слѣдовательно, онъ пережилъ, можетъ быть, самую важѣйшую эпоху народнаго быта — кризисъ или рѣшительный переломъ, отъ котораго зависѣла будущность. Передъ своею смертію, въ 1607 году, пророческій взглядъ Павла уже проникалъ зародыши всѣхъ послѣдующихъ несчастій; но тогда во всей Польшѣ былъ только одинъ пророкъ, подобно Кассандрѣ, вопіющій съ каедръ объ упадкѣ, который для другихъ представлялся нелѣпостью:

онъ предсказывалъ все, что мы должны были претерпѣть за грѣхи свои. Вѣтеръ развѣялъ слова вдохновеннаго Скарги *).

Во времена Баторія, Павелъ могъ гораздо лучше показать себя; даже самый выборъ мужа, служившаго для него образцомъ подражанія, ясно показывалъ, что Павелъ не былъ слѣпымъ орудіемъ и умѣлъ видѣть, куда именно вели разныя дороги, потому что онъ держался Яна Замойскаго и королевской партіи. Онъ былъ подъ Полоцкомъ и Сушею, гдѣ получилъ столь сильную рану въ бедро, что прямо оттуда привезли его домой—и едва, по особенной милости Божіей, да при помощи случайно найденнаго гдѣ-то грека, залѣчили рану зельями; но Павелъ долго ходилъ съ костылемъ, потому что его ногу свело. Другой на его мѣстѣ считалъ бы себя тогда совершенно отслужившимъ, особенно потому, что и дома было очень много дѣла, такъ какъ его имѣніе было въ неблагопріятномъ состояніи. Но въ тѣ времена стыдились еще наслаждаться дарами Божіими, сидя на печкѣ, и хорошо знали, что они даются намъ не для собственнаго только употребленія, но для благоразумной раздачи на общественную пользу.

Уже подъ Бычиною, вмѣстѣ съ Замойскимъ, Павелъ опять сидѣлъ на конѣ и нѣсколько разъ врубался въ ряды непріятельскіе. Въ 1594 году, когда татары ворвались въ Русь, Павелъ также не дремалъ и преслѣдовалъ ихъ до венгерской границы. Впослѣдствіи онъ опять, вмѣстѣ съ Замойскимъ, участвовалъ въ сраженіи подъ Фелиномъ и отличился тамъ не менѣе Фаренсбаха и гетмана, потому что въ той же самой стычкѣ, когда у Замойскаго оторвало пряжку отъ пояса, пробило насквозь епанчу Павла, не причинивъ, впрочемъ, вреда ему самому. Но здѣсь оканчивается политическое поприще нашего прадѣда. Павелъ глубоко огорченъ былъ тѣмъ, что и смерть вѣнскаго воеводы, и всѣ подвиги при осадѣ Фелина приняты были за ничто. Потерявъ всякую надежду, онъ, вмѣстѣ съ гетманомъ, прямо изъ-подъ Вейссенштейна поѣхалъ домой.

Съ этого времени онъ заперся въ своемъ домѣ, дни и ночи проводилъ въ молитвѣ и погрузился въ такую глубокую пе-

*) Извѣстный своимъ краснорѣчіемъ и ученостью ксендзь-проповѣдникъ, родившійся въ 1536 году и скончавшійся въ 1612 году.

чалъ, что почти пересталъ говорить. Отпустивъ бороду, надѣвъ монашескую рясу терціаріевъ и коадьюторовъ іезуитскаго ордена и не выпуская изъ рукъ четокъ, Павелъ, всю послѣдующую жизнь, провелъ на колѣняхъ передъ образомъ Богоматери, у котораго горѣла неугасимая свѣча, и до такой степени изнурилъ свои ноги стояніемъ на колѣняхъ, что, наконецъ, уже не могъ почти держаться на нихъ. Если кто приходилъ за какимъ-нибудь дѣломъ, Павелъ отсылалъ его къ женѣ и дѣтямъ, отвѣчая, что онъ бросилъ всѣ дѣла и занимается однимъ лишь дѣломъ спасенія. Во время возмущенія въ 1607 году однажды донесли Павлу, что братъ его Василій изрубленъ королевскими партизанами, напавшими на него гдѣ-то на постояломъ дворѣ. Павелъ такъ глубоко почувствовалъ это несчастіе, что на другой день нашли его лежавшимъ безъ жизни, лицомъ къ землѣ, предъ алтаремъ домашняго костела.

Павелъ — важное и великое лицо въ нашей шляхетской исторіи, но это уже не Григорій Шейный; можетъ быть, въ немъ было больше ума, больше чувствъ, но и человѣческихъ слабостей не мало. Ему уже нравятся и служебное значеніе, и почести, хотя онъ употребляетъ ихъ на добро; для него уже богатство составляетъ если не первую, то по крайней мѣрѣ, важную потребность. Послѣдніе дни жизни Павла, когда пробудилось въ немъ чувство и ослабѣла вѣра въ человѣческій разумъ, конечно, столь же прекрасны, какъ и кончина отца, потому что они представляютъ образецъ грѣшника, сознающаго свои грѣхи и стремящагося отъ земли къ небу.

Совсѣмъ другою дорогою пошелъ Василій, женатый на шляхтянкѣ изъ фамилій Корбутовъ. По имени и богатству панъ, но сердцемъ шляхтичъ, нарочно избѣгавшій короткихъ связей съ панами, Василій, вслѣдствіе гордости и безпокойнаго характера, всегда дружилъ съ мятежниками и возставалъ противъ власти.

Такое поведеніе не обходилось Василію безъ тяжкихъ и безпрестанныхъ жертвъ. Правда, онъ снискалъ себѣ любовь пановъ-братій шляхты; но мы знаемъ, что подобная любовь обманчивѣе панскихъ милостей: сегодня любятъ и носятъ на рукахъ, а завтра, лишь пахнетъ противный вѣтеръ, поднимаютъ на сабли. Онъ умеръ въ битвѣ съ партіей Жолкевскаго.

Павелъ и Василій оставили только по одному сыну; оба сына пошли по отцовскимъ слѣдамъ. Нашего прадѣда звали Григоріемъ вторымъ; вотъ онъ, на этомъ почернѣвшемъ портретѣ, гдѣ теперь видно только мужественное лицо его съ огромнымъ чубомъ—Хорунжичъ пододвинулъ свѣчу и указалъ Юліану на слѣдующій портретъ, потому что они висѣли въ генеалогическомъ порядкѣ—въ двухъ отдѣленіяхъ, означавшихъ двѣ линіи Карлинскихъ, начиная отъ великаго Григорія.—Григорій второй,—продолжалъ Аванасій,—родился въ 1576 году и смотритъ на насъ уже не такъ дико и сурово, какъ его предки. Въ немъ еще отражаются первоначальныя родословныя черты, но высоко подбритая голова и возвышенный лобъ, придаютъ имъ уже болѣе благородное выраженіе и даже нѣкую гордость; костюмъ на немъ панскій, рысья шуба—точно у Радзивилла, колпакъ — соболій, а его застѣжки не купишь за теперешнія имѣнія. Огромный рубишь на поясѣ—это знаменитый камень, святый съ одного побѣжденнаго татарскаго хана. Нашъ дѣдъ, а твой, милый Юліанъ, прадѣдъ—Тимѳеѣй Поликарпъ, взялъ за него въ Парижѣ миллионъ ливровъ.

Григорій второй, сознавъ также, что онъ явился на свѣтъ не для того, чтобы наряжаться, жить въ удовольствіяхъ, заботиться только о себѣ и личныхъ выгодахъ, дѣлалъ много, былъ готовъ пожертвовать всѣмъ, но въ этомъ героизмъ участвовала и человѣческая слабость. Первое поприще Григорія было подъ Любнями съ Жолкевскимъ, гдѣ, въ присутствіи благороднаго вождя, онъ началъ свою карьеру такъ блистательно, что однимъ набѣгомъ приобрѣлъ себѣ славу на всю жизнь, потому что собственною рукою взялъ въ плѣнъ одного изъ казацкихъ предводителей. Григорій не пропустилъ и лифляндскаго похода подъ предводительствомъ Замойскаго. Начавъ этотъ походъ подъ Бокгаузеномъ и дойдя съ отцомъ до Вейссенштейна, онъ вездѣ сражался со славою. Не буду исчислять, что онъ дѣлалъ до 1640 года, т. е. до своей смерти, такъ какъ мнѣ пришлось бы повторить всѣ тогдашнія войны, сеймы, порученія и знаменитыя посольства, а скажу коротко, что Григорій второй еще болѣе возвысилъ значеніе своей фамиліи, занявъ важное кресло въ сенатѣ, женившись на дочери знаменитаго дома и счастливо умноживъ свое богатство. Приобрѣтя славу въ битвахъ, Гри-

горій и въ послѣдующее время не избѣгалъ ихъ; но, какъ человѣкъ великаго ума и чрезвычайно способный къ посольствамъ и дипломатическимъ переговорамъ, болѣе находился при особѣ короля. Онъ принадлежалъ къ числу друзей и довѣренныхъ Владислава Сигизмунда, раздѣлявшихъ молодость, удовольствія и всѣ судьбы его жизни. Это былъ государь, умѣвшій располагать къ себѣ сердца, потому что самъ имѣлъ сердце, и если приходилось жертвовать за него здоровьемъ, имуществомъ и спокойствіемъ, то ни одинъ изъ окружавшихъ его не отказывался отъ этого. Григорій два раза жертвовалъ своими имѣніями, а по вступленіи Владислава на престолъ, ни на минуту не разлучался съ нимъ и, осыпавъ королевскими милостями, чрезвычайно увеличилъ отцовскія имѣнья. Григорій былъ человѣкъ съ большими достоинствами и великими слабостями: любилъ пышность, не пропускалъ ни собраній, ни пировъ, занимался мелочами и почти каждый годъ дѣлалъ своимъ людямъ ливрею новаго цвѣта. Съ другой стороны, необыкновенно щедрый къ костеламъ, онъ рѣдко въ который изъ окрестныхъ костеловъ не пожертвовалъ то образа, привезеннаго изъ Италіи, то чаши, то посылалъ суммы на ихъ постройку или давалъ пособія викарнымъ ксендзамъ. Смерть неожиданно постигла Григорія: собравшись ѣхать во Францію за королевичемъ Казиміромъ, онъ сдѣлался боленъ, докторъ королевы—французъ, далъ ему на ночь какое-то лѣкарство, но поутру нашли его уже мертвымъ.

Иванъ *Кокошка*, двоюродный братъ его, умеръ гораздо раньше. По смерти отца, онъ далъ нехристіанскій обѣтъ, отмстить за смерть его и до тѣхъ поръ не почевать дома, пока не погубитъ всѣхъ злодѣевъ, обогранныхъ кровью Василия. Имена ихъ записаны были у него на бумагѣ, и затѣмъ, подобравъ себѣ значительную партію шляхты, Иванъ началъ преслѣдовать ихъ. А когда ему пришлось заѣхать по дорогѣ домой и пробыть тамъ два дня, то, не желая нарушить своего обѣта, онъ приказывалъ разбить на дворѣ палатку и проводилъ тамъ ночи. Такимъ образомъ, они уже убили троихъ изъ партіи Жолковского, четвертаго утопили въ прудѣ, остальные всѣми средствами искали примиренія, какъ однажды Иванъ, поссорившись съ пьяною ватагою радзивилловскихъ служителей,

изъ-за помѣщенія лошадей въ одномъ сараѣ на Замойскомъ трактѣ, въ одного изъ нихъ выстрѣлили изъ пистолета; но, давъ промахъ, самъ безчестно убитъ былъ противникомъ. Послѣ него остались: жена, дочь, вскорѣ вышедшая за Весселя въ Лифляндію и семнадцатилѣтній сынъ Василій—Иванъ.

Григорій женатъ былъ на Забжезинской и оставилъ пять сыновей; а потому, хотя богатство его было огромное, однако, послѣ раздѣла на пять частей Карлинскіе могли бы снизить въ разрядъ шляхты. Но воля Божія, очевидно, еще считавшая нашу фамилію нужною, не лишила ее силъ необходимыхъ для дѣйствія. Изъ пяти сыновей Григорія, по случайному стеченію обстоятельствъ, только одинъ былъ наслѣдникомъ всего имѣнья послѣ отца. Братья не хотѣли дѣлиться. Старшій изъ нихъ, Игнатій, кастелянъ Мендзыржецкій, родившійся въ первомъ году семнадцатаго столѣтія, былъ уже сорока лѣтъ, когда умеръ отецъ. Онъ принялъ на себя всю тяжесть семейныхъ дѣлъ и распоряженій, выручая другихъ братьевъ.

Третій братъ Сигизмундъ, еще при жизни отца, умеръ въ походѣ подъ командою Стефана Хмѣлецкаго. Онъ заразился ободною лихорадкою, нѣсколько мѣсяцевъ переносилъ ее, наконецъ слегъ въ палаткѣ и умеръ, сложивъ голову не на мягкихъ подушкахъ, а на жесткомъ сѣдлѣ, и цѣлуя нагрудникъ, на которомъ находились крестъ и образокъ Божіей матери.

Четвертый—Петрашъ, неизвѣстно—по своей или отцовской волѣ, посвятилъ себя духовному званію и былъ нареченъ хелмскимъ епископомъ, но о немъ—послѣ. Пятый—Влодекъ, скромный и набожный, любимое дѣтище матери. Григорій хотѣлъ видѣть въ немъ другое направленіе и образовать къ военному поприщу; но Влодекъ, упавъ въ ноги отцу и обливая ихъ слезами, получилъ позволеніе вступить въ монастырь отцевъ бернардинцевъ. Это былъ человѣкъ чрезвычайно набожный и смиренный.

Второй братъ Игнатія, Андрей, коронный Обозный, былъ, кажется, послѣднимъ въ нашемъ родѣ мужемъ, истинно достойнымъ безсмертной памяти, хотя мы совершенно забыли о немъ, такъ что слѣды великой его мысли и сердца едва остались въ истлѣвшихъ бумагахъ нашихъ. Не только забытый,

даже презираемый и непонятый при жизни, подобно людям, опережающим современность и указывающим потомству тяжелый путь къ совершенству, Андрей началъ свою карьеру блистательно, но рѣшилъ лучше сойти съ высокаго положенія, нежели отказаться отъ собственныхъ убѣжденій. Доставшіяся мнѣ по наслѣдству и, можетъ быть, первый разъ въ теченіе двухъ сотъ лѣтъ попавшіяся въ руки записки Андрея, позволяютъ мнѣ сказать о немъ подробнѣе, да онъ и въ самомъ дѣлѣ стоитъ этого. Взгляни, склони голову, вотъ онъ!—Съ этимъ словомъ Аѳанасій, дрожавшею отъ волненія рукою, приблизилъ свѣчу и указалъ на темное полотно, среди котораго едва можно было разсмотрѣть портретъ съ лицомъ мрачнымъ, суровымъ и, можетъ быть, задумчивымъ, но поражающимъ своими чертами, отмѣченными печатью какого-то религіознаго фанатизма.—Неправда ли, произнесъ старецъ,—что по этому лицу прямо виденъ человѣкъ, ни разу не склонившійся передъ мірскимъ кумиромъ, не искавшій людскихъ милостей, никогда не сгибавшійся передъ силою, не упавшій передъ величіемъ и не солгавшій ни словомъ, ни дѣломъ, ни молчаніемъ? Смотри—какой искренній, глубокий и проникающій прямо въ сердце взглядъ!

Воспитанный какимъ-то монахомъ, проживавшимъ въ домѣ Григорія и съ самаго дѣтства полюбившимъ мальчика, Андрей собственно его вліянію обязанъ былъ тѣмъ направленіемъ, по которому шелъ во всю жизнь свою. Этотъ монахъ, называвшійся отцомъ Діонисіемъ, неизвѣстно—какой фамиліи, въ глазахъ обыкновенныхъ людей казался суровымъ и чужакомъ; но чистота и набожность его заставляли прощать непріятныя выходки, какія онъ позволялъ себѣ не только съ дворовыми людьми, но и съ самыми хозяевами. Андрей и Діонисій пламенно любили другъ друга. Монахъ училъ мальчика, неусыпно наблюдалъ за нимъ и почти до шестнадцати лѣтъ не выпускалъ его изъ рукъ своихъ. Когда Андрея отправили въ школу, Діонисій умеръ съ печали, но духъ его перенесся въ грудь воспитанника. Всѣ домашніе съ изумленіемъ замѣтили, что, по смерти наставника, Андрей какъ будто вышелъ изъ лѣсу, раздражался и удивлялся тому, на что другіе вовсе не обращали вниманія. Когда шло дѣло о правдѣ, онъ не молчалъ и

никого не щадилъ, а если опровергали его, то смирялся, не жертвуя, впрочемъ, своимъ убѣжденіемъ. Опреѣленный еще при Сигизмундѣ III въ военную службу. Андрей участвовалъ во многихъ походахъ съ королевичемъ Владиславомъ и такъ привязался къ нему, что уже во всю жизнь не разлучался съ нимъ.

По возшествіи на престолъ, Владиславъ IV, какъ бы желая вознаградить Андрея за то, что не слушался его, далъ ему должность короннаго Обознаго и два староства. Карлискій принялъ званіе Обознаго, съ твердою рѣшимостью добросовѣстно исполнить возлагаемыя на него обязанности. Что же касается староствъ, то онъ оставался только распорядителемъ ихъ, потому что, считая себя недостойнымъ такой награды, употреблялъ доходы съ нихъ на помощь бѣдной шляхтѣ, на содержаніе раненыхъ въ сраженіяхъ, особенно на состарѣвшихся и изувѣченныхъ въ рыцарскомъ походѣ и скитавшихся по неблагодарной землѣ, за которую они проливали кровь свою. Между тѣмъ онъ самъ остался при особѣ короля и ни одинъ пиръ, ни одно собраніе не обходились безъ него. Придворные съ насмѣшками спрашивали у Андрея мнѣнія о каждомъ поступкѣ, и, хотя никогда не слушали словъ его и обращали ихъ въ шутки, однако, его мнѣнія нерѣдко покрывали краскою лица добросовѣстныхъ сановниковъ. Андрей никому не поблажалъ, даже самому Владиславу, хотъ искренно любилъ его.

Андрей яснѣе и лучше другихъ видѣлъ стремленіе общества въ пропасть, понималъ характеръ современности, предвидѣлъ его послѣдствія и особенно порицалъ самолюбіе, страсть къ богатству, гордость и языческіе пороки двора Владислава IV.

Андрей не былъ женатъ и удалялся отъ женщинъ, называя ихъ веселыми пташками, умѣющими только прекрасно лѣтѣи высоко летать, но неспособными поднять на своихъ крылышкахъ тяжести больше капель росы и пылинки цвѣтовъ. Онъ всецѣло былъ преданъ предметамъ безсмертнымъ и духовнымъ, глядѣлъ на землю только сверху и постоянно возвышался надъ нею. Костюмъ его всегда былъ чернаго цвѣта, у пояса вмѣстѣ съ саблею висѣли четки, на груди — крестъ. Большую часть времени онъ проводилъ въ костелѣ на молитвѣ или дома, занимаясь чтеніемъ, а въ кругу людей игралъ опасную роль

правдиваго человѣка и апостола истины—и эта роль, пріобрѣтала ему безчисленное множество непріятелей.

Не знаю, какъ онъ устоялъ въ этомъ положеніи. Надо было имѣть слишкомъ глубокое убѣжденіе, гигантскую волю, ангельскую терпѣливость, высочайшую независимость, чтобы не ослабѣть, не упасть, не поколебаться въ ежедневной борьбѣ, гдѣ самымъ острымъ оружіемъ были иронія и насмѣшливость, направленныя противъ самыхъ щекотливыхъ убѣжденій. Но Андрей въ подобныхъ преслѣдоваціяхъ, казалось, пріобрѣталъ новыя силы, съ каждою минутою возносился выше и крѣпче утверждался въ своемъ положеніи. Коронный канцлеръ Оссолинскій, какъ извѣстно, подалъ Владиславу IV мысль установить орденъ *кавалеровъ Непорочнаго Зачатія Богоматери*. Онъ хотѣлъ перенести на родную землю учрежденіе другихъ государствъ. Но шляхта какъ въ заграничныхъ титулахъ, такъ и въ учрежденіяхъ подобнаго рода всегда усматривала подрывъ шляхетскаго равенства и вспомогательное средство къ отличію пановъ отъ гербовыхъ братій; поэтому она воспротивилась осуществленію устава, уже утвержденного папою Урбаномъ VIII. Кавалеры ордена Непорочнаго Зачатія Богоматери имѣли свой собственный уставъ, который не слишкомъ много обязывалъ ихъ. Здѣсь не заключалось очень глубокой мысли: хотѣли только прекрасной цѣпочки на шею и великолѣпныхъ плащей, дабы показываться въ нихъ на время торжественныхъ процессій.

Проектъ Оссолинскаго начинался изложеніемъ причинъ необходимости означеннаго ордена, долженствовавшаго быть щитомъ и украшеніемъ рыцарей, сражающихся за вѣру. Число кавалеровъ онъ назначалъ только семьдесятъ два, приписывая мистическое значеніе цифрѣ семь. Всѣ кавалеры должны были быть дворянскаго происхожденія, а изъ другихъ сословій предполагалось допустить къ ордену только двадцать четыре человѣка, которые прежде всего обязаны отречься отъ всѣхъ другихъ обществъ. Король былъ главою и начальникомъ. Наружнымъ знакомъ, отличающимъ рыцарей, назначалась золотая цѣпь на шеѣ, составленная изъ лилій и пучковъ стрѣлъ, съ надписью: *In te* и *Unita virtus*, съ пурпуровымъ крестомъ и на немъ изображеніе Дѣвы Маріи, попирающей змія и надпись:

Vicisti vince... Этотъ орденъ кавалеры обязывались носить во время большихъ процессій, въ день Непорочнаго Зачатія Богоматери и въ праздники патроновъ государства, съ допущеніемъ въ первый праздникъ къ королевскому столу; въ другіе же дни носить простой крестъ безъ цѣпочки на бѣлой лентѣ. Ихъ костюмъ обыкновеннаго покроя назначался пурпуроваго цвѣта; сверхъ него длинный бѣлый плащъ съ пурпуровою подкладкою, шапки бѣлыя, съ сіяніемъ и изображеніемъ Пресвятой Дѣвы. Въ орденѣ предполагалось имѣть двухъ вельможъ: канцлера и подскарбія, избранныхъ изъ числа кавалеровъ. Въ статутѣ описывались также: церемоніаль процессіи, старшинство въ выборахъ, молитвы за умершихъ собратій, ихъ погребеніе, возвращеніе регалій по смерти кавалеровъ, форма журналовъ о дѣйствіяхъ Канцлера, избраніе прелата, вѣрность государю и отечеству, обязанность являться на войну противъ невѣрныхъ, защита догмата о Богочитаніи и чтеніи Божіей Матери, порядокъ приема кавалеровъ въ костель во время обѣдни, милостыни для выкупа плѣнныхъ и для помощи бѣднымъ воинамъ, каковыя предполагалось складывать въ нарочно учрежденную кружку, и, наконецъ, изложенъ былъ еще проектъ чисто религіознаго братства Непорочнаго Зачатія Богоматери, которое предполагалось присоединить къ сословію рыцарей и т. д.

Прочитавъ статутъ, Оссолинскій началъ излагать доводы о современной потребности ордена. Присутствующіе слушали въ глубокомъ молчаніи, король думалъ о томъ, какъ онъ будетъ раздавать свои регаліи. Но вдругъ Обозный всталъ съ мѣста и досталъ изъ-за пазухи толстую пачку бумагъ. Глаза всѣхъ обратились на него. Канцлеръ не скрывалъ своего неудовольствія, но Андрей, не обращая на это вниманія, обратился къ королю и произнесъ:

— Ваше величество! Не такой статутъ и не такіе рыцари нужны намъ въ теперешнее время. Найдется кому воевать съ языческими дикарями, и семьдесятъ два кавалера немного помогутъ въ этомъ дѣлѣ. Позаботимся лучше объ истребленіи язычества въ самихъ себѣ, о побѣжденіи силы, ежедневно возстающей противъ ученія Христова въ странѣ, наполненной крестами на поляхъ и на костелахъ, но такъ мало заключающей крестнаго ученія въ сердцахъ своихъ жителей!

— Послушаемъ Обознаго, можетъ быть, слова его принесутъ намъ какую-нибудь пользу,—сказалъ король.

Поддержанный Владиславомъ, Карлинскій продолжалъ:

— И я также представляю вашему величеству проектъ ордена и статутъ новыхъ рыцарей, составленные не по внушеніямъ мірскаго тщеславія, а по Божію вдохновенію.

Я долгое время думалъ,—громко говорилъ Обозный, —и что Богъ вдохнулъ въ мое сердце, тѣмъ и дѣлюсь съ вами; примете вы или нѣтъ, но самъ я буду стараться, чтобы мое желаніе не осталось тщетнымъ. Я не намѣренъ критиковать статуты пана Канцлера, потому что и они хороши; но предполагаемый мною орденъ, кажется, гораздо нужнѣе семидесяти двухъ кавалеровъ, одѣтыхъ въ бѣлые плащи.

— Ad perpetuam rei memoriam,—началъ Обозный, послѣ вступленія, несмотря на шопотъ и улыбки, и прочелъ по латынѣ то, что я передамъ:

— „Обративъ строгое вниманіе на міръ, мы почувствовали неизбѣжную необходимость въ примѣрѣ, въ вспомоствованіи, въ поощреніи и подкрѣпленіи противъ душевнаго врага, постепенно и незамѣтно подкапывающаго существенныя основанія вѣры Христовой. Наше общество, все безъ исключенія, сдѣлалось больнымъ и слабымъ, оно знаменуетъ себя святымъ крестомъ, а живетъ по-язычески, даетъ обѣты при крещеніи и на каждомъ шагу нарушаетъ ихъ. Необходимо, дабы что-нибудь напоминало ему о ежедневныхъ обязанностяхъ и укрѣпляло къ ихъ исполненію. Въ такихъ видахъ, кромѣ духовнаго сословія, мы признаемъ превеликую пользу въ собратіяхъ, которые бы, разсѣявшись между всѣми сословіями, съ крестомъ на груди, взывали о самоотверженіи и, не платя никакой дани свѣту, служили только Богу и людямъ. Съ этою цѣлью мы учреждаемъ братство свѣтское, подъ названіемъ: *рыцарей Терноваго Вѣнца*, приписывая ему слѣдующія права: число братій будетъ неограниченное; во главѣ всѣхъ—монархъ, и вокругъ него, подобно тому, какъ безчислены хоры ангеловъ, архангеловъ, херувимовъ и серафимовъ при тронѣ Божіемъ, такъ пусть будетъ неопредѣленно число людей, которые вмѣстѣ съ нами рѣшатся трудиться для спасенія“.

Тутъ канцлеръ Оссолинскій пожалъ плечами, а король, взглянувъ на него, улыбнулся. Андрей продолжалъ:

— „Къ чести трудиться для всеобщаго блага будутъ допущены: сословіе дворянское, потомъ духовные, юноши и старцы, купцы и земледѣльцы. Не исключаются отсюда женщины какъ замужнія, такъ и пребывающія въ дѣвственности.

Всѣ захохотали во весь голосъ; но Обозный, нисколько не смущаясь этимъ, продолжалъ:

— «Единственнымъ условіемъ приема въ братство Терноваго Вѣнца должно служить метрическое свидѣтельство о крещеніи, какъ документъ, что будущій братъ принадлежитъ къ сословію вѣрующихъ во Христа и уже исполнилъ самую важную присягу. Начальство надъ орденомъ братій Терноваго Вѣнца принимаемъ мы, а послѣ насъ—наслѣдники наши. Наружнымъ знакомъ братства имѣетъ быть желѣзный крестъ на груди, повѣшенный на черной лентѣ или на пеньковомъ шнурѣ и обведенный терновымъ вѣнцомъ, подобнымъ тому, какимъ увѣнчанъ былъ для поруганія Господь Іисусъ Христосъ, оставившій его намъ облитымъ своею кровью, какъ образъ самоотверженія и жертвы. Братія не будутъ отличаться костюмомъ, каждый будетъ одѣваться сообразно своему состоянію; только цвѣтъ долженъ быть преимущественно черный, какъ эмблема траура и смерти. Главный начальникъ ордена—монархъ, называемый вслѣдствіе такой должности Гроссмейстеромъ, потомъ высшая въ государствѣ духовная особа—примасъ. Кромѣ нихъ, братство избираетъ духовника и казначея. Послѣдній обязанъ будетъ принимать милостыни и распоряжаться ими, по назначенію братій. Исключая монарха и примаса, братія не будутъ раздѣлены ни на какіе разряды, такъ какъ всѣ мы равны передъ Господомъ. Желѣзные кресты, по смерти каждаго изъ братій, отсылаются къ духовнику и казначею, и потомъ, съ означеніемъ имени брата, вѣшаются въ главномъ костелѣ, для примѣра наслѣдникамъ. Братія терноваго вѣнца, главнымъ образомъ, обязаны не только сами дѣятельно исполнять обязанности, предписанныя ученіемъ Христовымъ, но вездѣ и не обращая вниманія ни на что, не оглядываясь на людей, указывать ближнимъ истинный путь, говорить правду и то, то внушаетъ совѣсть, подавать собою примѣры самоотверженія, вѣры, любви къ Богу и ближнему, однимъ словомъ—обязаны терпѣть, дабы еще на землѣ достигнуть мира по слову Божию

а въ небесахъ—вѣчнаго соединенія со Христомъ. Въ случаѣ надобности, они должны охотно жертвовать жизнію, не избѣгать униженія, не жалѣть жертвъ и не осквернять свои уста ложью.

Обозный продолжалъ распространяться насчетъ обязанностей братій Терноваго Вѣнца, но грокій смѣхъ придворныхъ не позволялъ разслушать вдохновенныхъ словъ его.

Много смѣялись надъ Обознымъ, и. натуральное дѣло, никто даже не подумалъ объ основаніи проектированнаго имъ ордена, потому что въ глазахъ испорченныхъ людей онъ представлялся странною утопій. Но Андрей на оставилъ своего намѣренія. Онъ первый надѣлъ на себя крестъ, обвитый терновымъ вѣнцомъ, и чрезъ два года, отказавшись отъ должности Обознаго, поѣхалъ въ Римъ съ приготовленнымъ статутомъ братства, намѣреваясь быть его основателемъ.

Передъ отъѣздомъ Обознаго, Владиславъ IV и канцлеръ Оссолинскій, который въ душѣ уважалъ Андрея и всегда говорилъ съ нимъ серьезно, когда они были вдвоемъ, и только въ присутствіи придворныхъ иногда смѣялся надъ нимъ, вслѣдствіе слабости и для угожденія другимъ,—совѣтовали Карлинскому оставить напрасный трудъ, но Андрей не послушался ихъ.

— «Ваше величество!—произнесъ онъ,—благородный и добросовѣстный человѣкъ, если Господь вдохнетъ въ него добрую мысль, обязанъ всѣми силами стараться осуществить ее. Если не удастся подобное предпріятіе, то не онъ будетъ виноватъ, но его долгъ стараться объ этомъ, ничего не опасаясь. Такъ и я, если не успѣю въ своемъ намѣреніи, то успокоюсь мыслью, что оно не угодно было Богу и не нужно для людей, буду вѣрить, что Промыслъ хочетъ употребить другія средства для человѣческаго блага».

Король и многіе сановники дали бывшему Обозному рекомендательныя письма къ кардиналамъ святаго коллегіума, къ его святѣйшеству, къ духовнику папы и другимъ особамъ, имѣвшимъ вліяніе на рѣшеніе апостольской столицы, но это не принесло ожидаемой пользы. Прибывъ въ городъ Св. Петра, Андрей прежде всего началъ молиться съ пламенными чувствами, обошелъ всѣ костелы и потомъ уже принялся ходатайствовать передъ папою объ утвержденіи своего проекта. Всѣ слушали Андрея со вниманіемъ; но статутъ встрѣтилъ много возраженій со сто-

роны духовныхъ властей. Святой отецъ обнялъ и благословилъ Андрея, поцѣловалъ крестъ съ терновымъ вѣнцомъ, слезы навернулись на глазахъ его, но, выслушавъ статуть братства, онъ покачалъ головою и сказалъ:

— «Милый сынъ мой! Ужели ты не видишь, сколько предстоитъ затрудненій и препятствій къ осуществленію представленнаго тобою проекта? Твои желанія прекрасны; но ужели сердце твое не будетъ страдать, если они обратятся во зло и вредъ, въ пустой призракъ и злоупотребленіе святымъ знаменіемъ?»

Карлинскій не удовольствовался этимъ. Оставшись въ Римѣ, онъ ходилъ къ кардиналамъ, къ генераламъ разныхъ орденовъ, трудился, поправлялъ статуть, молился и, наконецъ, изнуренный въ этомъ святомъ трудѣ, а можетъ быть и потерявъ къ нему охоту, вдругъ умеръ, ослабѣвъ отъ поста, въ ту минуту, какъ онъ приступалъ къ причастію Св. таинъ въ костелѣ Св. Станислава.

— Это былъ великій человѣкъ! — прибавилъ взволнованный Хорунжичъ. — Какъ святыню, берегу я вотъ этотъ крестъ, потому что онъ ясно свидѣтельствуетъ о пламенномъ желаніи добра, составлявшаго главный предметъ и цѣль всей жизни Андрея. Глаза Обознаго раньше и лучше другихъ видѣли, до чего дошли мы теперь. Онъ искалъ лѣкарства отъ неизлѣчимой болѣзни и умеръ отъ безнадёжности, что люди воспользуются имъ. По крайней мѣрѣ, для насъ должны быть священны и память о немъ и это знаменіе креста съ терновымъ вѣнцомъ.

Никто не нашелся сказать что-нибудь противъ этихъ вдохновенныхъ словъ и вообще противъ всего вышеприведеннаго разсказа. Пораженный Юліанъ сидѣлъ точно прикованный къ стулу и неподвижными глазами смотрѣлъ на дядю. Алексѣй погрузился въ глубокую задумчивость. Юстинъ заглядѣлся на звѣздное небо, которое, чрезъ отворенныя двери въ садъ, блистало мириадами свѣтилъ. На блѣдномъ лицѣ Хорунжича отражались усталость и волненіе; казалось, настоящій разсказъ пробудилъ въ немъ заснувшія страданья. Не говоря ни слова, онъ еще разъ взглянулъ на портреты Обознаго и Григорія и тихими шагами удалился въ другія комнаты.

По уходѣ Аѳанасія еще долгое время всѣ сидѣли въ неподвижномъ положеніи. Юліанъ блуждалъ глазами по изображеніямъ

своихъ предковъ; но лицо его показывало, что, вполне понимая ихъ величіе, онъ уже не чувствовалъ въ себѣ силъ сравняться съ ними...

— Ужели мы рѣшаемся прозаически и въ глупомъ снѣ провести такую прелестную ночь?—спросилъ наконецъ, Юстинъ.

— Мнѣ спать не хочется,—проговорилъ Алексѣй.—Теперешній рассказъ чрезвычайно тронулъ меня. Всѣхъ Карлинскихъ я вижу передъ глазами...

— А я... я вижу весь этотъ прекрасный и непостижимый міръ Божій!—подхватилъ Юстинъ.—Пойдемте въ садъ... Шумъ деревьевъ и тишина природы лучше всего убаюкають насъ. Если мы не сумѣемъ понять, то, по крайней мѣрѣ, предчувствіемъ угадаемъ гармонію вселенной.

При этихъ словахъ Юліанъ хотѣлъ было подняться съ мѣста, но у него не было силъ; блѣдный, ослабленный—онъ, съ принужденною улыбкою взглянулъ на Алексѣя и сказалъ:

— Ступайте одни, а меня оставьте здѣсь: я посижу, помечтаю и отдохну. Хоть стыдно признаться, но я ужасно ослабѣлъ и не могу встать съ мѣста.

Алексѣй и Юстинъ вышли въ садъ и исчезли въ ночномъ сумракѣ.

VIII.

Уже совсѣмъ разсвѣло, когда церковный звонъ, разбудивъ Юліана, прервалъ горячій разговоръ Алексѣя и Юстина, которые, не смыкая глазъ, всю ночь ходили по садовымъ аллеямъ.

Молодые люди сблизились другъ съ другомъ, какъ родные братья, и, проведя сегодняшнюю ночь наединѣ, подъ тѣнью старыхъ липъ, они были точно старые знакомые. Когда церковный звонъ призвалъ ихъ въ домъ, они нашли тамъ Юліана, пробуждавшагося отъ сна и съ удивленіемъ оглядывавшагося на всѣ стороны. Наконецъ, блѣдный Карлинскій всталъ съ мѣста, немного стыдясь передъ друзьями того, что не могъ преодолѣть своей слабости. Въ эту же минуту вышелъ изъ своихъ покоевъ Аѳанасій съ книгою и четками.

— Пойдемте молиться, — сказалъ онъ важнымъ тономъ.— Единственное счастье человѣка въ молитвѣ... Это для меня поэзія жизни. Ксендзь Мирейко ждетъ насъ въ костелѣ.

Вся дворня мало-по-малу высыпала изъ всѣхъ угловъ на площадку передъ домомъ и направилась къ костелу. У главныхъ дверей стоялъ ксендзъ, одѣтый въ длинную альбу, и съ безпокойствомъ глядѣлъ по направленію къ барскому дому, такъ какъ, хотя человѣкъ набожный, онъ не любилъ, если приходилось завтракать нѣсколькими часами позже обыкновеннаго. Всѣ мы слабы!

Пани Гончаревская уже послѣ всѣхъ вышла изъ своего флигеля, сѣла также къ костелу, и чрезъ нѣсколько минутъ собрались всѣ. Для гостей въ костелѣ находились скамьи и стулья, но хозяинъ, простоявъ короткое время на колѣняхъ на жесткомъ полу, упалъ ницъ и началъ молиться, испуская стоны.

Ксендзъ Мирейко началъ обѣдню. Юстинъ прислуживалъ ему, а дворня Аѳанасія заплѣла старинную церковную пѣснь и продолжала ее хоромъ во все время совершенія священныхъ тайнъ.

Хорунжичъ всю обѣдню пролежалъ ницъ на полу и по окончаніи ея всталъ еще не скоро. Всѣ уже вышли изъ костела, а онъ еще продолжалъ молиться, хотя это очень не нравилось капуцину. Ксендзъ Мирейко не смѣлъ сказать прямо, что ему хочется скорѣе покушать кофе; кромѣ того, онъ безпокоился о томъ, чтобы долгое лежанье на полу не повредило здоровью старца. Наконецъ, на порогъ костела показался Аѳанасій, какъ будто пробужденный отъ сна.

— Знаете ли, хозяйюшка, — шепнулъ капуцинъ пани Гончаревской, — нашъ Хорунжичъ не спалъ всю ночь, да и гостямъ-то. кажется, не далъ сомкнуть глазъ. Это очень хорошо, но всему должны быть границы. Хорунжичъ сдѣлается боленъ.

— Но что прикажете мнѣ дѣлать? — отвѣчала пани Гончаревская. — Видите, кто здѣсь слушается меня? Никто! Ни одна душа!.. Панъ Хорунжичъ, точно избалованный ребенокъ, дѣлаетъ, что ему пригрезится; нѣтъ никакой возможности пособить ему.

Всѣ окружили столъ съ завтракомъ, но Аѳанасій не подошелъ къ нему. Сегодня былъ постъ, а въ такіе дни онъ ничего не употреблялъ, кромѣ хлѣба и воды.

— Для васъ, — сказалъ старикъ съ улыбкою, — кажется, представляется смѣшнымъ даже то, что искони признано вѣрнѣйшимъ средствомъ къ душевному подкрѣпленію. Вы не вѣрите въ посты и не можете поститься. Не удивляюсь этому: ваше

тѣло привыкло къ нѣгѣ и прихотямъ, оно умерло бы, если бы вы перестали поддерживать его пищею, потому что вы живете только тѣломъ. Уже нѣсколько тысячъ лѣтъ у всѣхъ народовъ, во всѣхъ религіяхъ и учрежденіяхъ, вы найдете постъ, какъ вѣрнѣйшее средство къ свободѣ духа, но для теперешняго поколѣнія вѣковая истина стала предразсудкомъ. Притомъ, какъ можете вы поститься, если постъ, равно какъ и молитва, не согласуется съ вашею жизнью? Такъ не глядите на чудака, который, питаясь однимъ хлѣбомъ и водою, чувствуетъ себя гораздо бодрѣе, здоровѣе и сильнѣе, чѣмъ вы послѣ самыхъ питательныхъ кушаній.

И Карлинскій, какъ-бы проникнутый сожалѣніемъ къ Юліану, поцѣловалъ его въ голову.

— Бѣдное дитя! — произнесъ онъ шопотомъ. — Ну, скажи мнѣ что-нибудь объ Аннѣ, — прибавилъ онъ спустя минуту. — Не спрашиваю объ ея здоровьѣ, а только о томъ, какъ она пьетъ свою чашу, какъ носить свой терновый вѣнецъ? Выражается ли на ея лицѣ жизнь, полная самоотверженія и милосердія къ ближнимъ?

— Нѣтъ! — живо проговорилъ Юліанъ, — нѣтъ, дядюшка! Анна—это ангелъ, который никогда не смотритъ на свои покрытыя ранами ноги.

— Только она достойна старинной крови нашей! — воскликнулъ Аѳанасій въ восторгѣ. — Потому-то именно ей, а не тебѣ послалъ я терновый вѣнецъ. Не упрекаю тебя, — ты могъ быть другимъ человѣкомъ. Ты—живая правда словъ Божіихъ и наказаніе за грѣхи родителей нашихъ, ты сознаешь добро, но не въ состояніи исполнить его; въ твоихъ жилахъ водянистая кровь течетъ потокомъ заблужденій, какія съ природою перелились въ тебя. Твоя душа хотя порывается вверхъ, но взлетѣть не можетъ!..

Эти слова взволновали Юліана. Старецъ крѣпко прижалъ его къ сердцу и произнесъ:

— Да совершится то, что написано въ неисповѣдимыхъ судьбахъ Божіихъ! Намъ предназначено упасть, ничто не измѣнить предопредѣленія...

— Панъ Хорунжичъ! — прервалъ ксендзъ Мирейко. — Вы проносите печальныя пророчества... Къ чему это? Для чего? Сомнѣваться въ милосердіи Божіемъ противно нашей религіи.

Покорный старецъ замолчалъ.

Завтракъ кончился въ тишинѣ, прерываемый только вздохами пани Гончаревской, съ сожалѣніемъ глядѣвшей на хозяина и, покашливаніемъ капуцина, по очереди истреблявшаго все, что находилось на столѣ. Лошади Юліана уже были поданы, и Аѳанасій, чувствуя приближающуюся минуту разлуки, сдѣлался еще печальнѣе, прохаживался, взглядывалъ на племянника и вздыхалъ. Алексѣй съ Юстиномъ вышли на крыльцо и продолжали прерванный ночной разговоръ. Долго откладывали разлуку, потому что Юліану также тяжело было покинуть Аѳанасія. Онъ чувствовалъ невольное влеченіе къ дядѣ, несмотря на то, что, можетъ быть, не было на свѣтѣ двухъ существъ болѣе противоположныхъ другъ другу, какъ они; но эта-то самая противоположность направленій и характеровъ и составляла связь между дядею и племянникомъ. Здѣсь сила и слабость взаимно стремились одна къ другой.

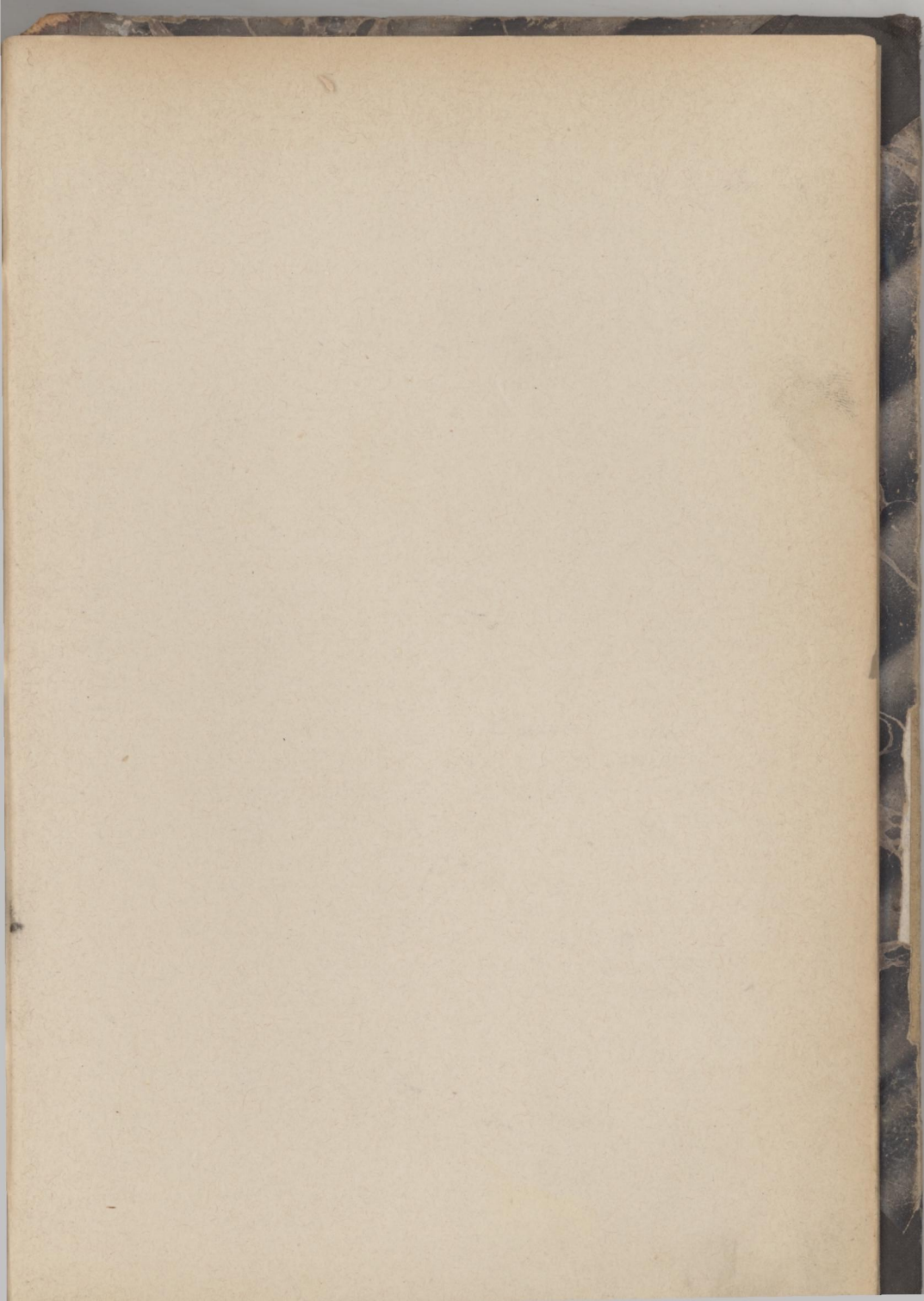
— Вы никогда не посѣтите насъ, милый дядяшка? — спросилъ Юліанъ уже на порогѣ.

— А что я буду дѣлать у васъ? — возразилъ Аѳанасій. — Въ здѣшней пустынѣ мнѣ лучше; живые люди не поймутъ меня, а видѣть свѣтъ очень тяжело мнѣ. Я былъ бы поставленъ въ необходимость, подобно Обозному, учить и обличать, и вы только смѣялись бы надо мною. Ужъ гораздо лучше мнѣ старику здѣсь — въ захолустѣ, съ Богомъ да молитвою, дожидаться наказанія за грѣхи свои и чужіе; можетъ быть, я умолю небесное правосудіе и призову на свою сѣдую голову то, что должно поразить васъ, можетъ быть, я испрошу для васъ милости Божіей...

Слезы опять покрыли глаза Аѳанасія, и онъ прибавилъ:

— Поѣзжай... свежи мое благословеніе Аннѣ... и бѣдному Эмилию... Міръ Христовъ да будетъ съ вами!

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ЦЕНТРАЛЬНА
= НАУКОВО-УЧБОВА =
БІБЛІОТЕКА.

